

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ИНСТИТУТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
КАФЕДРА АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНСТВ ПОБУДИТЕЛЬНОГО
ТИПА МИКРОПОЛЯ УТЕШЕНИЯ, СОПЕРЕЖИВАНИЯ, СОЧУВСТВИЯ В
МАКРОПОЛЕ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Выпускная квалификационная работа
обучающейся по специальности 45.05.01 Перевод и переводоведение
очной формы обучения, группы 04001215
Фроловой Анны Дмитриевны

Научный руководитель:
канд. филол. наук, доцент
Пугач В.С.

Рецензент:
доктор филол. наук, доцент
Гарагуля С.И.

БЕЛГОРОД, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Введение.....	3
Глава 1. Языковое поле как единица дидактической типологии.....	7
1.1. Языковое поле как объект лингвистических исследований	7
1.2. Языковое поле как единица функционального контрастивно-типологического анализа.....	14
Глава 2. Сравнительный анализ диалогических единств побудительного типа, микрополя утешения, сопереживания, сочувствия в английском и русском языках.....	24
2.1. Диалогические единства побудительного типа.....	24
2.2. Средства выражения волеизъявления микрополя утешения, сопереживания, сочувствия макрополя волеизъявления.....	34
2.3. Коммуникативная направленность диалогических единств побудительного типа микрополя утешения, сопереживания, сочувствия.....	56
2.4. Социолингвистический аспект применения диалогических единств побудительного типа микрополя утешения, сопереживания, сочувствия.....	63
Заключение.....	70
Библиография.....	73
Список источников фактического материала.....	80
Приложение.....	82

ВВЕДЕНИЕ

Одной из актуальных проблем современной лингвистики является изучение средств выражения волеизъявления, которые в подавляющем большинстве случаев встречаются в такой форме речи как диалог. Выбор диалогических единств побудительного типа в диалоге в качестве объекта исследования обусловлен тем, что именно такие диалогические единства являются наиболее выразительными и эмоциональными в речи собеседников. Предметом же исследования стали сами реплики выражающие микрополя утешения, сопереживания, сочувствия в макрополе волеизъявления в английском и русском языке.

Интерес к диалогу, диалогической речи возникает везде, где проявляется интерес к человеческому общению, так как именно с диалогом мы связываем свои представления о коммуникации и контакте. Степень употребимости средств выражения волеизъявления, их многогранность и особенности художественно обработанного диалога во многом определяются стилем и жанром литературы.

Основы теории диалога в советском языкознании были заложены Л.В. Щербой [Щерба, 1974], В.В. Виноградовым [Виноградов, 1963], Л.П. Якубинским [Якубинский, 1923] и другими лингвистами в конце 40-х гг. XX в., начале 50-х гг. XX в., а в зарубежном языкознании над теорией диалога работали Ш. Балли [Балли, 2001], Дж. Остин [Остин, 1986], Дж. Сёрль [Сёрль, 1986] и др.

Данная квалификационная работа посвящена сравнительному анализу диалогических единств побудительного типа с репликами, выражающими утешение, сопереживание, сочувствие в макрополе волеизъявления в английском и русском языках.

Актуальность выбора данной темы обусловлена повышенным интересом к исследованию коммуникативных ситуаций в современном языкознании.

Цель работы состоит в выяснении места, роли, структуры, функции микрополя утешения, сопереживания, сочувствия в макрополе волеизъявления, а также определении возможных средств выражения утешения, сопереживания, сочувствия в диалогических единствах исследуемого типа. Реализация такой цели предполагает решение следующих задач:

- 1) выявить средства выражения волеизъявления в рамках микрополя сочувствия, сопереживания и утешения;
- 2) определить их коммуникативную направленность и социолингвистический аспект;
- 3) проанализировать сходства и различия употребления данных диалогических единств побудительного типа в английском и русском языках.

Теоретической основой исследования для анализа послужили 68 источников научной литературы, в основном английских, русских и советских ученых, таких как: Галина Алексеевна Пенькова, Нина Давидовна Арутюнова, Виктор Самуилович Храковский, Александр Павлович Володин, Чарльз Филмор, Хенрик Бирнбаум и др.

Фактическим материалом для анализа послужили около 400 примеров из произведений художественной литературы, в основном, английских, американских, русских и советских писателей, таких как Михаил Булгаков, Михаил Лермонтов, Джон Гришем, Теннеси Уильямс, Юджин О'Нил и других.

Для достижения цели работы использовался полевой подход.

Практическая ценность работы заключается в том, что проводимый анализ может быть использован в качестве дидактического материала при изучении английского языка, а также при преподавании теоретических дисциплин.

Данная дипломная работа состоит из Введения, двух Глав и Заключения.

В первой главе мы рассматриваем языковое поле как объект лингвистических исследований, так как в работе был использован метод полевого структурирования. Полевое структурирование даёт возможность не только отразить диалектическое взаимодействие формы и содержания в языке,

но и держать в поле зрения два основных подхода: от содержания к форме и от формы к содержанию.

Первый раздел второй главы посвящен диалогическим единствам (ДЕ) побудительного типа. Интерес к диалогу, диалогической речи возникает везде, где проявляется интерес к человеческому общению, так как именно с диалогом мы связываем свои представления о коммуникации и контакте, именно в диалогической речи можно увидеть и услышать язык в действии, проследить, как он функционирует.

ДЕ привлекли нас своей необычностью. Если с помощью повелительного наклонения, как правило, выражается приказ, команда, требование, запрет, распоряжение, то при выражении утешения, сопереживания, сочувствия императив не выполняет своей традиционной функции, а имеет специфические особенности – определённую эмоциональную окраску, меньшую категоричность. В этом плане данная проблема является малоисследованной. Более того, анализируя исследуемый материал, мы наблюдаем тенденцию расширения функций макрополя волеизъявления и отодвигаем границы его периферии.

В последующих разделах второй главы подробно рассматриваются средства выражения волеизъявления микрополя утешения, сопереживания, сочувствия в макрополе волеизъявления в английском и русском языках.

В силу специфики макрополя волеизъявления представляется правомерным выделение в поле особого положения контекста и интонации, так как только благодаря им возможно выражение всех модальных оттенков волеизъявления (приказ, команда, требование, просьба, совет и т.д.), а также тех, которые являются объектом изучения данной работы – утешение, сопереживание, сочувствие. Поэтому большую роль в формировании ДЕ исследуемого типа, как в русском, так и в английском языках играет интонация, тембр голоса говорящего и ситуация, в которой происходит общение.

В работе используется коммуникативный подход к изучению диалога с неограниченным количеством реплик. Анализ коммуникативной направленности ДЕ изучаемого типа проводится с использованием классификации Г.А. Пеньковой, которая выделяет:

1) вопросно-ответный диалог;
2) диалог, в котором информация поступает через сообщение, дополнение, подтверждение, который, в свою очередь, делится на:

- ✓ диалог-согласие;
- ✓ диалог-возражение;
- ✓ диалог, в котором возражение и согласие чередуются;
- ✓ смешанный диалог.

При исследовании функционирования ДЕ побудительного типа с репликами, в которых выражается утешение, сопереживание, сочувствие, ограниченные рамками речевого этикета, бралась во внимание точка зрения Т. В. Цивьян [Цивьян, 1962: 79-83], В.С. Храковского, И. А. Володина [Храковский, Володин, 2002], разграничивающих три вида отношений, в которые вступают два собеседника: а) отношение возраста; б) отношение интимности; в) социальные отношения.

ГЛАВА 1. ЯЗЫКОВОЕ ПОЛЕ КАК ЕДИНИЦА ДИДАКТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ.

1.1. Языковое поле как объект лингвистических исследований.

Английский и русский языки, несмотря на свою принадлежность к единой лингвистической семье – индоевропейской, в результате своеобразного исторического развития резко отличаются друг от друга как по построению морфологической системы в целом, так и по способам выражения отдельных понятий и категорий.

При исследовании языка важно, прежде всего, выявить всевозможные средства разных уровней; не менее существенно определить те отношения, которые связывают их между собой.

Разнообразные средства грамматического и лексического уровня, призванные выражать и называть общие значения, связаны между собой не случайными отношениями, а отношениями, позволяющими установить определённые закономерности.

Совокупность взаимодействующих средств образует систему – Грамматико-лексическое Поле. Термин «поле» был впервые введён в семасиологии Г. Ипсен [Ipsen, 1984], который предложил термин *Bedeutungsfeld*.

Поле характеризуется следующими признаками:

1. Наличием инвентаря (набора) средств разных уровней, связанных между собой системными отношениями. Входя в состав поля, средства становятся конституентами поля.

2. Наличием общего значения, которое в той или иной степени присуще его конституентам.

3. Общее значение поля не едино, оно распадается минимум на два значения, которые могут быть противоположными или полярными. Каждое из этих значений образует микрополе.

4. Поле обладает неоднородной и, как правило, сложной структурой, которую можно представить в виде горизонтального и вертикального сечений.

По горизонтали располагаются семантические участки – микрополя. Например, Поле Времени состоит из трёх микрополей: Микрополя Настоящего, Микрополя Прошедшего и Микрополя Будущего. Некоторые поля отличаются усложнённой семантической структурой. Такой структурой обладает Модальное Поле.

По вертикали располагаются конstituенты микрополей, которые в то же самое время являются конstituентами макрополя. Вертикальное строение поля зависит от характера и числа конstituентов и их расположения по отношению друг к другу.

В большинстве полей выделяется доминанта, т.е. конститuent поля: а) наиболее специализированный для выражения данного значения; б) передающий его наиболее однозначно; в) систематически используемый.

Для всех областей языкознания остаётся актуальной проблема синтеза формы и содержания в языке. С этой точки зрения универсальным объектом лингвистических исследований являются языковые сферы (микросистемы), включающие разнородные средства передачи некоторого понятийного содержания и структурирующиеся в виде поля – языковой группировки особого типа, имеющей определенную структуру с присущими ей семантическими и функционально-коммуникативными характеристиками [Тарасова, 1991: 29].

Основным критерием выделения поля является, как известно, общность семантической функции взаимодействующих средств различных уровней. Иными словами, поле (в языке) базируется на общности некоторого инвариантного признака в семантике взаимодействующих разнородных и разноуровневых средств.

Постулируется некоторый инвариант, обобщенный семантический признак, варианты и модификации которого могут быть изучены на материале конкретных языков. При сравнении этих языков эта обобщённая единица плана содержания используется в качестве межъязыкового семантического субстрата. Г. А. Климов [Климов, 1977], например, называет этот семантический стимул семантической детерминантой языков, в публикациях Х. Бирнбаума [Birnbauм, 1970] в том же толковании употребляется термин «типологическая глубинная структура». Все изоморфные и алломорфные поверхностные варианты объединяются общей глубиной, и поле выступает, таким образом, как содержательно-ориентированное понятие, направленное на поиски глубинных структур, управляющих их поверхностным разнообразием. Полевая структура, понимаемая в этом смысле, связана с подходом к языку с точки зрения значения, поскольку именно значение является той основой, которая объединяет конститuentы поля [Тарасова, 1991: 30].

Семантический стимул, лежащий в основе поля, так или иначе, затрагивает всю его структуру, по-особому проецируясь на её различных уровнях. По мере удаления от ядра инвариантное значение, лежащее в основе поля, становится в известной степени ослабленным, перекрывается другими значениями, с чем сопряжена модификация ряда сем вследствие пересечения различных полей языка. Таким образом, благодаря последовательному внедрению идеи полевого структурирования мы получаем возможность оперировать понятием, увязывающим более или менее благополучно и отражающим диалектическое взаимодействие формы и содержания в языке.

Полевая методика в контрастивных исследованиях даёт возможность не только одновременно держать в поле зрения два основных подхода к изучению языка («от содержания к форме» и «от формы к содержанию»), но и осуществлять их синтез [там же].

Языковое поле, по определению Е.В. Тарасовой, – это особая структурированная система, являющая собой многомерное пространство,

специфическое для каждого конкретного языка, и положение элементов этого пространства может быть охарактеризовано с помощью не одного, а множества параметров, что позволяет отразить всю сложную картину системных связей внутри исследуемого языка.

Специфика структурной организации поля, позволяющая подойти к проблеме классификации форм, служащих для выражения исходного понятия с точки зрения распределения средств его выражения на «ядерные» и «периферийные», состоит в иерархическом характере составляющих его компонентов. В этом смысле применение полей свидетельствует о расширении границ исследования за пределы формы, определяемых «прагматическим набором». Языковая структура, таким образом, описывается с учётом иерархии языковых уровней, их перекрещивания и взаимопроницаемости. Поле, следовательно, обладает качеством цельносистемности, ибо складывается из характеристик в оптимальном случае всех уровней – лексического, синтаксического, морфологического и, по-видимому, фонетического.

Предполагая иерархическую организацию конститuentов в качестве своего важнейшего признака, поле проявляется в языке, главным образом, через понятие интеграции, объединения частей в целое и подчинения их целому на основе внутри- и межсистемных связей и взаимодействия их составляющих. Отношения между уровнями интегрируют их в одно функциональное целое. Сказанное позволяет рассматривать поле как динамическое образование, вовлекающее в круг исследования все уровни языка – от лексики до текста [Тарасова, 1991: 32].

Если состояние языка есть некоторое потенциальное функциональное поле, т.е. средство для формирования функциональной системы языка, если за исходный принцип в сравнительном описании языков принять движение от универсальных качеств единой глобальной структуры к формам проявления этих качеств в конкретных языковых вариантах, то поле как единицу такого описания следует неизбежно рассматривать не как статическую структурную

иерархию, а как иерархию функциональную. Практикуемое лишь как совокупность компонентов вне функционирования, поле является своего рода абстракцией. Но как система, состоящая из множества элементов, находящихся в связях и отношениях, и характеризующаяся целостностью, упорядоченностью и определенным поведением в окружающей среде, как система, реализующая свое исходное инвариантное значение в виде различных вариантов, поле перестаёт быть абстракцией и приобретает конкретизацию в реальных формах существования.

Различие в строении поля определяется принадлежностью доминанты к морфологии, синтаксису или лексике. Могут существовать поля с доминантой внутри каждого микрополя и поля (или микрополя) без доминанты. Вокруг доминанты группируются наиболее тесно с ней связанные конститuentы, образующие ядро поля. Конститuentы, отдалённые от ядра, располагаются на периферии поля.

Исследуя конститuentы полей, мы будем обращаться также к их функциям.

Функция понимается как роль, присущая данной единице в речевом процессе. Попытка объединить при исследовании языка грамматические и лексические факты производилась различными лингвистами уже давно; Л.В. Щерба [Щерба, 1974] намечает путь создания сопоставительной семантики языков на базе активного синтаксиса.

Датский ученый О. Есперсен [Есперсен, 1958] выдвигает мысль о необходимости сочетания двух методов изучения языка: «от значения к форме и от формы к значению».

О. Есперсен расширяет применение этого способа в отношении всех языков мира, набрасывая схему понятийной сравнительной грамматики.

Исследование взаимодействия между центром и периферией поля помогает в известной степени раскрытию сложной динамики происходящих в языке процессов. Важный фактор, характеризующий поле как открытую

динамическую систему, заключается в своеобразии взаимодействия между его компонентами, при которых ядро поля выступает как центр притяжения для периферийных элементов [Тарасова, 1991: 33].

Динамический характер поля проявляется в диалектическом взаимодействии центра (ядра) и периферии.

Структуриацию системы средств поля можно раскрыть только через анализ процессов коммуникации.

Всё это дает нам основание охарактеризовать поле как системно-функциональную модель.

В поле, как во всякой сложной системе обнаруживаются и антисистемные явления и тенденции. Единство системных и антисистемных тенденций в структуре поля обусловлено не только природой самого языка, но и его историческим прошлым. Существуют основания полагать, что в случае поля мы имеем дело с определенным образом закрепленной типологической категорией исторического характера.

Языковое поле также имеет высокую объяснительную способность, а методика полевого структурирования даёт возможность взглянуть на моделируемый участок языка не только как на систему, которую надо адекватно описать, но и систему, которую необходимо усвоить, которой необходимо овладеть для коммуникации. В этом плане поле таит в себе большие возможности педагогической эксплуатации, выступает как дидактическая единица.

В сугубо методическом смысле поле выступает как некоторая система логических возможностей, вариантов выбора из арсенала языковых единиц, служащих для передачи определенного внеязыкового содержания, как некоторая система правил, регулирующих варьирование средств. В таком толковании поле можно рассматривать не только как абстрактную систему формальной грамматики, оторванную от носителя языка, но как средство коммуникации. Иными словами, поле – это операционная модель, действующая

в тесном взаимодействии с различными сферами человеческой деятельности в процессе познания.

Поле как системно-функциональная модель [Тарасова, 1991: 34] позволяет учитывать и прагматический фактор, под которым подразумевается отражение единого семантического содержания различными языковыми средствами в зависимости от намерений говорящего и целей коммуникации, выявление в каждом языке коммуникативно важных форм. Эта модель не игнорирует и социолингвистический аспект, ибо компоненты поля и их комбинации могут проявлять себя по-разному в разных социумах (например, в национальных вариантах языка), а также в одном социуме (диалекты, функциональные стили, подъязыки).

Полифункционализм составляет самую важную часть социального членения языка. Поле тоже полифункционально. Разнообразие частных ситуаций, в которые вовлекаются компоненты в социуме, позволяет отразить всю полноту бытия языка.

Итак, поля – это обобщённые категории, характерные для всех или большинства естественных языков, им присуща всеобщность. С одной стороны, они выступают как обобщенные межъязыковые категории (например, множественности, модальности, каузативности, времени, залоговости, аспектуальности и т.д.), с другой стороны поля – это метаязыки сравнения.

Поле – это особая система, которая, хотя и стремится к равновесию, не является уравновешенной и сбалансированной; она имеет «размытые» точки, обычно располагающиеся на периферии [там же: 39]. Подобная трактовка максимально соответствует характеру такой сложной, разнородной, многомерной и многоплановой, такой «асистемной» системы, какой является язык.

Если рассматривать поля как обобщённые категории, характерные для большинства естественных языков, то это даёт нам возможность использовать поле как единицу функционального контрастивно-типологического анализа,

который мы берём за основу при сравнении макрополей волеизъявления в английском и русском языках.

1.2. Языковое поле как единица функционального контрастивно-типологического анализа.

Контрастивный анализ может считаться современным, актуальным и полезным в том случае, если межъязыковое сопоставление проводится одновременно в трёх основных аспектах: 1) содержанию; 2) выражении; 3) функционировании.

К наиболее фундаментальным категориям М.А.К. Халлидей ещё в 1961 году отнёс четыре объекта: единицу, структуру, класс, систему [Halliday: 1961].

Этот список можно дополнить универсальной единицей, способной выступить базой сопоставительного описания разноструктурных языков, которая может быть названо языковым полем.

Оно может трактоваться как функционально-семантическое; грамматико-лексическое; прагматическое.

Использование поля как единицы измерения типологического сходства и различия языков имеет ряд бесспорных достоинств, среди которых немаловажным представляется то обстоятельство, что этот метод позволяет не просто сочетать формальный системно-структурный анализ с семантическим, но и осуществлять сравнение языков прежде всего на функциональной основе.

Актуальность использования полевой методики в контрастивных исследованиях связана с тем, что поле, которое представляет собой открытую систему, исторически изменяющуюся и развивающуюся, часто обращает внимание исследователя на такие связи и отношения, которые относятся к строю данного языка и могут быть интерпретированы как типологические импликации.

Для контрастивного анализа остаётся актуальной проблема синтеза формы и содержания в языке. Основным критерием выделения поля является общность семантической функции взаимодействующих средств различных уровней.

Поле выступает как содержательно ориентированное понятие, направленное на поиски глубинных структур, управляющих их поверхностным разнообразием.

1. Полевой подход в контрастивной лингвистике выступает как последовательно структурный, так как поле строится с учётом положения уровневых концепций языка. Поле обладает качеством цельносистемности, ибо складывается из характеристик в оптимальном случае всех уровней: лексического, синтаксического, морфологического и, по-видимому, фонологического.

2. Поле – это динамическое образование. Язык находится в постоянном движении. Поэтому оно вовлекает в круг исследования все уровни языка от лексики до текста. Исследование взаимодействия между центром и периферией поля во многом способствует раскрытию сложной динамики происходящих в языке процессов. Важный фактор, характеризующий поле как открытую динамическую систему, заключается в своеобразии взаимодействия между его компонентами, при котором ядро поля выступает как центр притяжения для периферийных элементов.

Динамический характер поля проявляется в диалектическом взаимодействии его центра (ядра) и периферии.

3. Поле, которое моделирует определённые отрезки речевой деятельности, таит в себе большие возможности педагогической эксплуатации и в этом смысле выступает в какой-то мере как единица дидактической типологии. В сугубо методическом смысле поле выступает как некоторая система логических возможностей, вариантов выбора из арсенала языковых единиц, служащих для передачи определённого внеязыкового содержания, как некоторая система

правил, регулирующих варьирование средств. В таком толковании поле можно рассматривать не просто как абстрактную систему формальной грамматики, гипотетический конструкт, оторванный от носителя языка, но и как средство коммуникации. Поля в контрастивной типологии понимаются нами как обобщённые категории, характерные для всех или большинства естественных языков, им присуща всеобщность. С одной стороны, они выступают как обобщённые межъязыковые категории (например множественности, модальности, каузативности, времени, залоговости, аспектуальности), с другой стороны, поля – это межъязыки сравнения. На этом основании представляется возможным говорить о присущих полям основным функциям:

- 1) операционной функции, связанной с самим процессом категоризации;
- 2) таксономической функции, суть которой состоит в том, что поля на основе инвентаризации языковых единиц позволяют выделить структурные типологические особенности различных языков в процессе их сравнения;
- 3) дидактической функции, выделяемой на основе первых двух и реализующейся через методику преподавания иностранных языков в процессе фактического обучения.

Общеизвестно, что сравнение является одним из древнейших логических приёмов познания внешнего мира, а также, что овладение иностранным языком вообще, а на начальном этапе особенно, происходит с постоянной оглядкой на родной язык, который, по словам Л. В. Щербы, можно изгнать из аудитории, но из головы учащегося невозможно [Щерба, 1974]. Поэтому всякая методика обучения иностранным языкам всегда нуждается в результатах контрастивного описания, которые никогда не потеряют своей дидактической направленности [Тарасова, 1991: 3].

Межъязыковые сопоставления известны ещё с незапамятных времен. В античный период существовали работы, сравнивавшие греческий и латинский языки, например, грамматика Варрона. В грамматике Пор-Рояль (пятнадцатый век) учёные впервые обратили внимание на методику межъязыковых

сопоставлений, опираясь на сравнительно-исторический метод сопоставления различных стадий в эволюции одного языка или родственных языков на определенной стадии их развития, с целью реконструкции прототипа. Помимо сравнительно-типологического подхода, целью которого является классификация языков по отдельным группам на основе наличия в сходных черт и признаков, существует и другая методика межъязыковых сопоставлений – контрастивная лингвистика. Впервые этот термин прозвучал в работах Б. Ли Уорфа в 1941 г., но история контрастивных исследований в этом направлении начинается гораздо раньше и уходит своими корнями в конец позапрошлого века, где находит своё отражение в трудах Б. де Куртене и академика В.А. Богородицкого [Богородицкий, 1959].

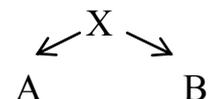
Сегодня контрастивная лингвистика определяется в широком смысле как поддисциплина языкознания, занимающаяся сравнением двух или более подсистем (языков) с целью определения их сходства и различия [Тарасова, 1991: 4]. Такое определение мы встречаем у Р.О. Якобсона [Якобсон, 1985] и других ученых.

В контрастивной лингвистике существует два подхода: прикладной и теоретической. Прикладной подход имеет ярко выраженную педагогическую направленность, связанную с решением практических задач преподавания языков, усовершенствованием его методики. Прикладная контрастивная лингвистика занимается также проблемами перевода, билингвизма, интерференции, составлением учебных материалов, прогнозированием ошибок и т.д.

Теоретическое контрастивное изучение предполагает исчерпывающее описание межъязыковых сходств и различий на всех уровнях, оперируя при этом такими понятиями, как соответствие, соотношение, эквивалентность и т.д.; оно также призвано обеспечить адекватную модель для сравнения.

Несколько в иных терминах излагает вышесказанное Е. В. Тарасова: «для прикладной контрастивной лингвистики важно выяснить, как, например,

универсальная категория X, имеющаяся в языке А, передается в языке В, и какие зоны при этом будут представлять наибольшие трудности при переводе и обучении. При теоретическом подходе вопрос ставится по-иному, а именно, каким образом универсальная категория X реализуется в языках А и В, т.е. исследование идёт не в направлении $A \rightarrow B$, как в предыдущем случае, а в соответствии со схемой



Методически ориентированная прикладная контрастивная лингвистика оперирует такими терминами и понятиями как source и target language, родной и иностранный язык, язык 1 и 2. Для теоретического контрастивного изучения данные различия нерелевантны, т.к. все сравниваемые языки являются абсолютно равноправными и имеют одинаковый статус.

Контрастивная лингвистика оперирует понятием универсалий. Универсалии – это общие признаки, которые не зависят ни от генеалогии, ни от географических контактов и которые являются общечеловеческими. Наличие универсалий объясняется общими закономерностями функционирования языка как средства общения, глубинными отношениями между языком и мышлением, мышлением и окружающей действительностью, артикуляционной базой голосового аппарата человека.

Существование языка и языковых универсалий как общечеловеческого феномена и отдельных национальных языков как вариантов и создаёт ту предпосылку, на которой зиждется сопоставление конкретных языков. Контрастивный анализ требует обоснования общесемантической или общепонятийной основы, он исходит из некоторой концептуальной общности между языками [Тарасова, 1991: 11].

За 10–15 лет было предложено немало контрастивно-типологических схем, построенных на универсалиях.

В «теории падежа», разработанной Ч. Филмором и Х. Бирнбаумом в 70-е годы, использовано понятие «глубинной структуры» Хомского. У Х.

Бирнбаума глубинная структура рассматривается как многослойная система (multilayered system), состоящая из уровней различной семантической глубины (various semantic depth). По степени абстракции эти слои глубинной структуры разделены на инфраструктуры (infrastructures) с минимальной степенью абстракции (наиболее «поверхностные»), промежуточный уровень, названный «типологическими глубинными структурами» (typological deep structures) и, наконец, уровень максимальной глубины и абстракции, которые автор именует «полными, абсолютными глубинными структурами» (profound deep structures), являющимися по сути универсальными. Ч. Филмор использует в данном случае термин “covert categories” – скрытые категории [Филмор, 1976].

В отечественном языкознании с понятием универсалий связано у нас такое исследовательское направление, как контенсивная типология. Эта концепция подразумевает выявление формальных средств на основе выбранной единицы значения.

Синтаксическая контенсивная типология Г.А. Климова [Климов, 1977] находится в тесной связи с теорией понятийных категорий. Убедительно показав, что сопоставление отдельных форм в двух или более языках малоэффективно (так как даёт возможность лишь констатировать, что какие-то формы совпадают, а какие-то расходятся) автор делает вывод, что в контенсивной типологии следует ориентироваться на категориальные явления, имеющие принципиальное значение для системы языка. Ещё И.И. Мещанинов указывал в своё время на то, что языковые категории, получая различные выражения в языках, притом не только в их грамматическом строе, но и в лексике, являются тем общим, что объединяет языки самого различного строя. При типологических исследованиях языков такие категории, под которыми лингвисты понимают «абстрактные, обобщенные значения, находящиеся в указанном языке то или иное выражение», выступают как основание для их сопоставительного изучения. Естественно, что эти общекатегориальные понятия должны иметь весьма абстрактный характер для того, чтобы без труда

обнаруживаться в ряде языков, хотя бы с достаточно своеобразными отклонениями (типичными для того или иного языка).

Указанные категории должны иметь характер языковых универсалий, неизбежно отображаемых различными языками мира в своих грамматических лексических системах. Г.А. Климов, в частности, развивает в своих работах идеи академика Мещанинова о различных типах реализации субъектно-объектных и субъектно-предикативных отношений в языках мира. Автор считает субъектно-объектные отношения одной из самых универсальных категорий языка, «поскольку они связаны с выражением в языке универсальнейших категорий человеческой мысли» [Климов, 1977].

Отечественные контрастивисты неизменно руководствуются в своих типологических изысканиях идеями Л.В. Щербы, в частности, его утверждением, что «язык и мышление образуют неразрывное единство» [Щерба, 1974], наблюдение над языком является наблюдением над мышлением, т.к. это последнее нельзя наблюдать вне языковых форм. Причины происхождения и развития многих языковых значений и категорий кроются в самих свойствах мышления, которое с помощью языка отражает реальную действительность. В этом смысле контенсивная типология также связана с подходом к описанию языка не только как средства передачи, воплощения, но и как средства формирования мысли.

Гипотеза о влиянии языка на восприятие мира представлена в современной науке (и конкретно в контрастивной лингвистике) во многих разновидностях, и тезис о посредствующей роли языка как средства формирования понятий и их взаимного разграничения, видимо, не вызывает разногласий в современной лингвистике. По словам Щербы, «мир, который дан нам в нашем непосредственном опыте, оставаясь всегда одним к тем же, постигается различным образом в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие известное единство с точки зрения культуры» [Щерба, 1974].

Каждый язык на протяжении истории отрабатывает и закрепляет в формальных средствах свои категориальные значения, которые составляют промежуточную область, лежащую между чисто мыслительными и формально-языковыми категориями.

Это – точка зрения Н.А. Слюсаревой [Слюсарева, 1981]. А.В. Бондарко именуется эти специфические языковые области содержания «семантическими функциями» [Бондарко, 1968]. Об особом «языковом сознании» писал В.А. Звегинцев [Звегинцев, 1977]; П.В. Чесноков [Чесноков, 1977] говорит о явном противоречии между общечеловеческим характером языковых категорий и национальным характером форм мысли, воплощенных в специфических формах отдельных языков; о том, что между языками существуют не только материальные (формальные) различия, но и различия структурно-семантические, связанные разными способами организации самой мысли. Это по существу повторение мысли А.А. Потебни о том, что «языки различны между собой не одной языковой формой, но и всем строем мысли, выразившейся в них» [Потебня, 1989]. Н.Ф. Щукина придерживается мнения, что члены различных языковых коллективов разлагают глобальные смыслы на число элементарных смыслов (сем), единых для всех языковых коллективов [Щукина, 1985]. Комбинирование же этих элементарных смыслов и их распределение по знакам может быть различным в разных языках, т.е. сами элементы универсальны, а их комбинации – специфические, национальные. Исходя из этого, языковое сознание определяется как способ комбинирования сем в наборы, образующие семемы, закрепленные языковыми знаками.

Существование особой формы общественного сознания – языкового лингвистического (которое отражается не только по мысли, но и исторически сложившимся требованиям языка) признает также П.Я. Гальперин [Гальперин, 1977].

Важно отметить, что языковедов-контрастивистов интересует не только то, как воплощается мысль в языке, но и каким образом язык используется в общении.

На эти вопросы отвечают работы функционального направления. Сходство между функциональной грамматической и контрастивной лингвистикой намечается, прежде всего, со стороны методологии и приемов описания результатов исследования. К тому же, контрастивная грамматика не может не быть функциональной, она всегда строилась на изучении процессов языковой реализации» [Тарасова, 1991:23].

С учётом перечисленных обстоятельств функциональный контрастивный анализ всё в большей степени производится теперь не столько на уровне нормы языка, сколько на уровне нормы речи. В связи с этим всё больше внимания стало уделяться в контрастивных исследованиях изучению национальных особенностей речи и речевой коммуникации. А национально-культурная специфика речевого общения складывается из системы факторов, обуславливающих отличия в организации и способе опосредствования процессов общения, характерных для данной культурной общности. Отсюда очевидная актуальность изучения текстов в плане их национальной специфики, или, как говорят, «текстового поведения» данного языкового коллектива. Ведь по своей природе текст есть «коммуникативная реализация отношения человека и действительности». В наше время контрастивный анализ всё больше взаимодействует с прагмалингвистикой, что объясняется осознанием важной роли языка в регулировании человеческого поведения. Поэтому особое внимание обращается на прагматические функции и аспекты анализируемых явлений.

Поле в нашем представлении – это особая система, которая хотя и стремится к равновесию, не является уравновешенной и сбалансированной; она имеет «размытые» точки, обычно располагающиеся на периферии.

Методика полевого моделирования ориентирует на методологически обоснованное и назревшее сопоставительное изучение языков с позиции целостности и иерархичности, а также коммуникативной целесообразности. Б.М. Балин утверждает, что связь контрастивного метода с коммуникативной ситуацией (в широком смысле) позволяет допускать его использование в вопросах перевода и обучения иностранным языкам [Балин, 1985].

Таким образом, придя к выводу о том, что функциональный контрастивно-типологический анализ связан с сопоставлением речевых структур в различных языках, во второй главе в первом разделе мы даём характеристику диалогических единств побудительного типа как средства проявления в речи изучаемого нами языкового макрополя волеизъявления.

ГЛАВА 2. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНСТВ ПОБУДИТЕЛЬНОГО ТИПА СОЧУВСТВИЯ, СОПЕРЕЖИВАНИЯ, УТЕШЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.

2.1. Диалогические единства побудительного типа.

Теория диалога связана с широким кругом лингвистических проблем и выходит за рамки языкознания. Внимание к диалогу проявляется везде, где есть интерес к человеческим отношениям, потому что с диалогом мы связываем представление о коммуникации, взаимодействии, контакте [Святогор, 1960].

Что касается грамматики, то она концентрирует свое внимание на структуре диалогических реплик, их связи и взаимодействии. Тот факт, что диалогическая речь является частной коммуникативной системой, не вызывает сомнений. В процессе речевого общения говорящий для выражения своей мысли использует различные коммуникативные единицы предложения, отличающиеся друг от друга по цели высказывания.

Средства выражения волеизъявления в подавляющем большинстве случаев встречаются в такой форме речи как диалог.

Диалог (с греческого «разговор, беседа») – это особая форма устной речи, представляющая собой разговор двух или нескольких лиц. Для диалога характерно более или менее быстрое чередование реплик и определённое их строение, отличное от строения монологической речи. О.И. Москальская считает, что преимущественно повествовательная форма предложения свойственна монологической речи [Москальская, 1974]. Диалогу свойственны не только лаконичность и эллиптичность реплик, что является признаком разговорной речи вообще, но и специфическая особенность, и взаимообусловленность синтаксической структуры реплик собеседников, объединяющая диалог в единое целое.

Основы теории диалога в советском языкознании были заложены в трудах Л.В. Щербы [Щерба, 1974], Л.П. Якубинского [Якубинский, 1923], В.В. Виноградова [Виноградов, 1963] и др. Большой интерес к диалогу проявляется с конца 40-х – начала 50-х годов XX века. С тех пор вопросы диалога интенсивно разрабатываются на материале разных языков. В это время появляются работы Н.Ю. Шведовой, после опубликования которых, интерес к проблемам диалога значительно повысился.

Н.Ю. Шведова пишет: «Диалог представляет собой обмен высказываниями, порожденными одно другим в процессе разговора. Эта взаимосвязанность в диалоге есть всегда взаимосвязанность смысловая и в определенных случаях – структурно-языковая» [Шведова, 1970].

Диалогический текст, в отличие от монологического, представляет собой альтернирующую цепочку предложений, образуемую чередованием высказываний двух или нескольких участников речевого акта, каждый из которых выступает в роли говорящего или адресата речи.

Если раньше единственно возможной единицей членения диалогической речи считалась реплика, то после исследований Н.Ю. Шведовой стали признавать, что не все реплики обладают смысловой и формально-смысловой законченностью. Одни могут быть признаны относительно-законченными. Другие же реплики не могут быть признаны и относительно законченными, т.к. не обладают ни формально-грамматической, ни смысловой полнотой, следовательно, они входят в состав более сложной, чем реплика, речевой единицы, которую Н.Ю. Шведова назвала коммуникативной единицей диалога. Эта единица диалога была названа диалогическим единством (ДЕ). Объединение высказываний участников речевого общения в одно диалогическое единство происходит на основе их смысловой и структурной общности. Несколько высказываний, объединённых общей коммуникативной целью, составляют единую коммуникативную структуру.

Таким образом, под диалогическим единством понимаем совокупность реплик, находящихся в такой структурной или смысловой связи, при которой предшествующая реплика выступает как обуславливающая, а каждая последующая, с одной стороны, обусловлена предшествующей, а с другой стороны, обуславливает следующую за ней: самая последняя реплика является только обусловленной [Чесноков, 1977].

Диалогические единства представляют собой в отличие от линейных цепочек предложений монологической речи, альтернирующие, создаваемые чередованием реплик собеседника. Связанность стимула и реакции, системантика входящих в ДЕ реплик, целостное, интонационное оформление и наличие устойчивых формальных признаков, сцепление реплик в отдельных типах ДЕ отмечаются всеми исследователями диалогической речи. Не остается сомнений в том, что соединенные таким образом цепочки реплик отвечают всем признакам сверхфразового единства.

ДЕ в зависимости от количества реплик собеседников могут быть двух-, трёх- и многочленными. Каждая из реплик диалога может представлять собой не только одно, а несколько предложений, образующих монологическое единство. Потому уже в пределах двучленных ДЕ следует выделить элементарные ДЕ, т.е. такие, в которых как стимул, так и реакция представлены одним предложением. Характеристика ДЕ:

1. Смысловая целостность заключается в ДЕ как в единстве темы обеих реплик, так и в особой их синсемантике. Ни реплика-стимул, ни реплика-реакция не могут существовать в качестве отдельных высказываний. Реплика-стимул еще не есть высказывание, а лишь стимул, побуждающий к высказыванию [Арутюнова, 1972].

2. По мнению Н.Д. Арутюновой, весьма разнообразный вид приобретает в диалогической речи коммуникативная целостность сверхфразового единства (СФЕ) [Хомский, 1972]. Первая реплика еще не является коммуникативной

единицей, хотя и имеет форму предложения. В то же время она выполняет в плане коммуникативного развертывания ДЕ несколько важнейших функций:

а) она является стимулом, вызывающим коммуникацию;

б) она создает чрезвычайно сильное предкоммуникативное напряжение – ожидание коммуникации;

в) она создает не только конкретную тему коммуникации, но и содержит материал для последующей актуализации в тема-рематическое ядро коммуникации.

Специфично далее, отмечает Н.Д. Арутюнова, что реплика-ответ может одновременно являться стимулом для дальнейшего развития диалога [Арутюнова, 1972].

Чрезвычайно характерной чертой диалогической речи является условность, иносказательность, завуалированность и эллиптичность многих реплик, вследствие чего состав темы и ремы часто оказываются не данным в непосредственно словесном выражении, а может быть «извлечен» из соответствующего диалога путем домысливания или перифразы.

3. Структурная целостность ДЕ также имеет значительное своеобразие по сравнению со структурным оформлением СФЕ монологической речи. Лексические повторы (прямые и синонимические) а также цепочки «магически» близких слов имеют место и здесь в силу смыслового тематического единства диалога. Несомненно, играют текстообразующую роль и анафорические слова. Однако лексические повторы и анафорические слова имеют для структурирования ДЕ несравненно меньшее значение, чем для организации СФЕ монологической речи, что связано с отмеченной выше иносказательностью и эллиптичностью многих реплик диалога. Специфическим видом повтора является в ДЕ сама эллиптичность реплик – наиболее типичная структурная черта диалога. В развернутом диалоге скрытый повтор-эллипс может объединять несколько реплик.

Ярче, чем в монологической речи выражена и интонационная злость ДЕ [Тарасова, 1991].

В многочисленных работах советских и российских лингвистов и некоторых известных нам работах зарубежных авторов, посвященных диалогической речи, описывается структура ДЕ и предпринимаются попытки их классификации.

Исследовательский интерес к проблеме классификации ДЕ развивается в двух направлениях.

Первое характеризуется ярко выраженным интересом прежде всего к формально-синтаксическим аспектам диалога (способам сцепления реплик, эллипсису и неполноте, раздробленному синтаксису, разрывам синтаксической связанности, стандартизации реплик и т.д.). Форма исследуется безотносительно к коммуникативному заданию и речевой функции, которая выводится из формы, то есть ставится ей в соответствие. Так, например, И.П. Святогор определяет ДЕ как особое структурно-грамматическое объединение, языковые грани между репликами которого в значительной мере стерты, а высказывания, принадлежащие разным участникам разговора, связаны и взаимно обусловлены [Святогор, 1960]. Главным средством формирования ДЕ И.П. Святогор считает структурную вязь и выделяет два способа этой связи:

✓ подчинительное или сомнительное присоединение последующей реплики с предыдущей;

✓ параллельная связь – синтаксический параллелизм.

Исходя из этих положений, И.П. Святогор рассматривает структурные модели двучленных ДЕ (ДЕ-2), трехчленных ДЕ (ДЕ-3), и отмечает, что структурные модели многочленных ДЕ формируются на основании двучлена [Святогор, 1960]. Подобной концепции придерживаются и такие лингвисты, как Н.Ю. Шведова [Шведова, 1970], М.Я. Вайс [Вайс, 1964], С.С. Беркнер [Беркнер, 1960], Э.А. Трофимова [Трофимова, 1977], исследующие ДЕ-2, ДЕ-3, ДЕ-4 на

основании структурных взаимоотношений реплик внутри ДЕ. Таким образом, в основу классификации ДЕ эти исследователи кладут структурный принцип.

Второе направление сосредоточено на исследовании функциональных сторон диалога, под которыми представители направления Н.Д. Арутюнова (Арутюнова, 1972) А.Р. Балаян [Балаян, 1971], Г.А. Пенькова [Пенькова, 1972] понимают реализацию коммуникативных интенций (намерений) говорящих, актуальное членение реплик, выделение стимулирующей части реплик. Учитывая коммуникативную направленность реплик в диалоге, исследователи выделяют различные типы диалогов.

Так, Г.А. Пенькова, в зависимости от преобладания в разговоре той или иной формы коммуникативной направленности реплик разграничивает:

а) вопросно-ответный диалог;

б) диалог, в котором информация поступает через сообщение, дополнение, подтверждение и т.д., который в свою очередь делится на :

1) диалог-согласие;

2) диалог-возражение;

3) диалог, в котором согласие и возражение чередуются;

в) смешанный диалог;

Н.Д. Арутюнова и А.Р. Балаян в своём подходе к диалогу отталкиваются от идей Ш. Балли о том, что при анализе каждой реплики в последней выделяются два функциональных организующих центра – модус и диктум. Диктум – это сам факт сообщения, модус – реакция собеседника на диктумную составляющую.

Исходя из концепции Ш. Балли, А.Р. Балаян выделяет:

а) диалог диктальный (или информативный);

б) диалог модальный, по степени его модальной насыщенности.

Далее в зависимости от коммуникативной установки А.Р. Балаян делит модальный диалог на:

- ✓ полемический (все виды диссонанса в модальных установках говорящих);
- ✓ унисонный (говорящий,-ие) обнаруживают стремление к одномодальности;
- ✓ диалог-выяснение, устанавливающий существо факта;
- ✓ диалог-уточнение, целью которого является поиск или сообщение дополнительной информации.

В настоящее время уже почти все лингвисты разделяют последнюю точку зрения и классифицируют ДЕ по коммуникативному признаку.

В процессе непосредственного общения говорящий использует для выражения своей мысли направленные речевые произведения, которые учитываются в теории предложений, выделяемых по цели высказывания. Это известное всем деление предложений на повествовательные, побудительные, вопросительные и восклицательные. Сейчас последние выделены из числа коммуникативных типов, т.к. они выражают не особую цель, а эмоциональный аспект. С этой точки зрения мы выделяем три типа ДЕ: 1) ДЕ повествовательного типа, 2) ДЕ вопросительного типа, 3) ДЕ побудительного типа, в зависимости от того, к какому коммуникативному типу принадлежит начальная реплика. Нас заинтересовали ДЕ побудительного типа, начальная реплика которых выражает побуждение к действию.

Поскольку первая реплика как бы «задаёт тон» и ДЕ складывается в зависимости от неё, мы классифицируем ДЕ в соответствии с тем, к какому коммуникативному типу относится первая реплика.

Традиционная грамматика ограничивает средства выражения побуждения к действию репликами повелительного наклонения. Однако не вызывает сомнения и то, что ниже приведённые высказывания семантически эквивалентны, т.е. передают приблизительно одно и то же понятийное содержание - а именно: побудить адресата к действию [Хаймович, 1967].
Например:

1. Don't go there. It's too late.
2. You won't go there.
3. Will you go there now?
4. I ask you not to go there.
5. You go there at once!
6. I want you go there!
7. I'd rather you didn't go there.
8. Let me go there.

Таким образом, первая реплика ДЕ может выражать:

1. Приказ
2. Команду
3. Распоряжение
4. Требование
5. Запрет
6. Предложение
7. Разрешение
8. Совет
9. Просьбу

Например:

1. – Bring me that cigarette case Mr. Worthing left in the smoking room the last time we dined there.

– Yes, sir [Wild: 16];

2. – Let her go.

– What?

– I said let her go. She's right. She's right. Kate is right .I'm right and you're wrong [Wild: 117];

3. – Ask Mr. Earnest Worthing to go there.

– Yes, Miss [Wild: 45];

4. – For goodness sake, don't play that ghastly tune, Algy. How idiotic you are!
[Wild: 37];
- You be quiet.
 - What did you say now?
 - You talk too much... [Williams: 14];
5. – Stop making speeches, Andrew, this is not a place for them.
- My dear, I have no other ways of conveying my ideas [Shaw: 104];
6. – Sophie, come in and dance with me... You don't want to sit there and read to Mrs. Ellis [Williams: 180];
7. – Sit down, all of you. Sit down, Andrew.
- Thank you, my love [Shaw: 34];
8. – Remember, your father is getting old, Jamie. You really ought to show more consideration [O'Neil: 46];
9. – Will you meet me at twelve at the tavern?
- No [Williams: 144];
 - Please, wait a little while, dear at least until one of the boys comes down [O'Neil: 61].

Останавливаясь на парадигматическом аспекте побуждения, мы хотели бы указать на ещё несколько видов высказываний, с которых может начинаться ДЕ побудительного типа. Нам бы хотелось выделить реплики, имеющие значения: утешения, сопереживания, сочувствия, например:

✓ Tyrone : I hope you will need the warning, now it comes his own mouth. But don't take it too much to heart, lad. He loves to exaggerate the worst of himself when he is drunk. He devoted to you.

✓ Edmimd: Keep quiet can't you, Papa? [O'Neil: 120];

✓ – What all the fuss about? Let's forget it!

– Yes, forget! Forget everything and face nothing! [O'Neil: 20];

✓ – Poor Mrs Gerhardt took it nervously, her eyes filled rapidly with tears.

– There, there, – Brander said, patting her on the shoulder, – Don't cry. You must not cry. Forget about laundry today [Dreiser: 45];

✓ – Colonel Foster did own that he had often suspected some partiality, especially on Lydia's side, but nothing to give him alarm.

– I am so grieved for him [Wharton: 193].

Как видно из приведённых выше примеров, данные высказывания очень похожи семантически и могут начинаться с любого из приведённых выше высказываний. Таким образом, исследуя ДЕ побудительного типа, мы рассматриваем реплики со значением утешения, сопереживания, сочувствия, которые не совсем вписываются в категорию повелительного наклонения, как реплики со значением команды, приказа/требования, распоряжения и т.д., т.е. те, которые выражают побуждение к действию непосредственно. Что же касается объекта нашего исследования, здесь побуждение может быть выражено не только посредством лексики, но и определённой интонацией, сопутствующей намерению собеседника утешить, успокоить, приободрить. Естественно, что употребление лексических средств и интонационного настроя во многом зависит от коммуникативной ситуации.

В нашей работе нас заинтересовал тот факт, что наряду с тем, что первая реплика ДЕ может выражать приказ, команду, просьбу, запрет и т.д., адресат можно побудить к действию (как к прямому, так и непрямому) путём выражения утешения, сопереживания или сочувствия. Для императива это нетрадиционно. Более того, анализируя исследованный материал, мы наблюдаем тенденцию расширения функций макрополя волеизъявления и отодвигаем границы его периферии.

Итак, на основании теории диалогического единства побудительного типа, изложенной в данной главе, мы проведём сравнительный анализ микрополей сочувствия, сопереживания, утешения в английском и русском языках.

В разделах 2.2, 2.3 и 2.4 мы рассматриваем средства выражения волеизъявления микрополя сочувствия, сопереживания, утешения, а также

коммуникативную направленность диалогических единств побудительного типа данного микрополя и социолингвистический аспект применения данных диалогических единств.

2.2. Средства выражения микрополя сочувствия, сопереживания, утешения, микрополя волеизъявления.

Средства выражения волеизъявления представляют собой функционально-семантическую категорию, которая характеризуется полевой структурой. Данная категория – это система разнородных языковых средств, способных взаимодействовать для выражения категориального значения. Описание функционально-семантического поля, подчёркивает А.В. Бондарко, предполагает, прежде всего, структурирование данного поля в системе языка. [Бондарко, 1968].

Ядром макрополя волеизъявления является повелительное наклонение, поскольку оно сосредотачивает специальные средства выражения содержания, свойственного данной функционально-семантической категории. В силу специфики макрополя волеизъявления представляется правомерным выделение в поле особого положения контекста и интонации, так как только благодаря им возможно сражение всех модальных оттенков волеизъявления (приказ, команда, требование, повеление, рекомендация, совет, увещание, просьба, мольба), а также тех, которые являются объектом изучения данной работы – утешение, сопереживание, сочувствие. Не исключаются и оттенки субъективной экспрессии эмоциональных наслоений, сопровождающих волевою речь (категоричность, грубость, робость, предостережение, настойчивость, а в случае с вышеупомянутыми видами ДЕ – вежливость, тактичность, ласка, нежность, успокоение, увещание, подбадривание).

Как свидетельствуют Г. Лич и Д. Свартвик, “you” в повелительных предложениях всегда находится под ударением, что релевантно в (случаях

совпадения форм императива и индикатива [Leech, Svartvic, 1975] (например: You go home). Ядерная глагольная форма повествовательного наклонения указывает, например, на принадлежность к данной категории формы -to-. Без соответствующей интонации (контекста) невозможно определить, какой из модальных оттенков или оттенков субъективной экспрессии эта форма выражает.

Поэтому большую роль в формировании ДЕ исследуемого типа как в русском, так и в английском языке играет интонация, тембр голоса говорящего и ситуация, в которой происходит говорение. Например:

– Has the bleeding quit yet?

– The hemorrhage seems to have stopped. Sister, sister, pull yourself together. We all have to face these things sometimes in life [Williams: 294];

– Ведь это что же, – нету у меня и нету. Пусть Пушкин им сдаёт валюту. Нету!

– Нету, нету, – успокаивала добросердечная Прасковья Фёдоровна, а на нет и суда нет [Булгаков: 51].

Как видно, и в английском, и в русском варианте говорящий слова утешения использует снисходительную интонацию, а сами реплики характеризуются мягким, нежным тембром звучания.

Среди средств выражения волеизъявления различают три большие группы:

1. Грамматические.
2. Лексико-грамматические.
3. Лексические.

Каждая из этих групп, в свою очередь, распадается на несколько подгрупп.

Рассмотрим сначала группу грамматических средств выражения волеизъявления в микрополе утешения, сопереживания, сочувствия.

I. Во-первых, необходимо выделить Imperative Mood (Повелительное наклонение) как наиболее употребляемое и часто встречающееся как в повседневной устной речи, так и в литературе. В.С. Храковский и А.П. Володин

считают, что «императивные предложения составляют значительную часть речевой продукции человека» [Храковский, Володин, 2002].

1. Специфика этих предложений состоит в том, что они созданы для апеллятивного общения. Imperative Mood (Повелительное наклонение) особенно широко представлено в драматургии, т.е. в том литературном жанре, где герои, действующие лица, персонажи, их действия, поступки описываются и характеризуются с помощью реплик, т.е. речевых актов. Например:

1) – Perhaps, they couldn't find the place in the dark. It's not easy to find it in the dark.

– Forget about it. A false alarm [Pinter: 30-31];

2) Иван: За тридцать серебрянников продал Иуда Иисуса Христа, а это ещё золото. Нет, барин, не такой я человек... Хотя раб, а не решусь взять от вас эти деньги.

Юрий: Так пусть кто-нибудь подымет (бросает деньги в окно).

Иван: Что это с вами, сударь, делается. Утешьтесь. Не всё горе, не всё печаль на свете. Успокойтесь, батюшка [Лермонтов: 57];

3) McCann: What about this, hat? Isn't it about time someone come in?

Goldberg: What are you so nervous about? Pull yourself together [Pinter: 38];

4) Доктор: (подходит к Арбенину и берёт его за руку) Вам надо отдохнуть.

Арбенин: (вздрагивает) А! Сердце сжалось!

Доктор: Вы слишком предалились печали этой ночью. Усните.

Арбенин: Постараюсь [Анчаров: 227].

2. Отрицательная форма повелительного наклонения (прохибитив) образуется по типу отрицательной формы вспомогательного глагола to do (Do not или Don't) в английском языке и сочетания императивных форм НСВ в сочетании с отрицательной частицей «не» в русском. Примечательно, что прохибитивные формы преобладают над императивными (70%:30%). В.С. Храковский и А.П. Володин объясняют это семантическими причинами: «Глагольные императивы выражают пожелание, осуществление которого

зависит не столько от воли слушающего (исполнителя), сколько от целого ряда внешних и независящих от воли обстоятельств. А прохибитивы более употребительны потому, что запрещение пребывать в эмоциональном состоянии, обычно уже имеющем место в момент речи, как правило, сопровождается объяснением причин, в силу которых данное состояние (отклоняющееся от условной нормы) оказывается, с точки зрения говорящего, безосновательным и неуместным. Поэтому естественнее каузировать прекращение такого состояния или его предотвращение, если нежелательное состояние ещё не наступило. Волевое рассуждение слушающего (= исполнителя) и осмысление им сложившейся ситуации должно способствовать ликвидации неуместного, с точки зрения говорящего, эмоционального состояния» [Храковский, Володин, 2002: 47]. Например:

5) – Oh, hurry, Hegarty! Do please hurry!

– Darling, don't fuss! [Sisson: 364];

6) – Установилась традиция, – говорил далее Коровьев, – хозяйка бала должна непременно носить имя Маргариты, во-первых, а во-вторых, она должна быть местной уроженкой... Вы не откажетесь принять на себя эту обязанность?

– Не откажусь, – твердо ответила Маргарита.

– Кончено. Прошу за мной. Не пугайтесь. И вообще я позволю себе смелость советовать, Маргарита Николаевна, никогда и ничего не бояться [Булгаков: 22];

7) – I'm sure it wasn't her fault, Sutton. You'd better deal with it. Tell fellow to leave and if he won't send for the police.

– Don't bother! I'm leaving [Sisson: 20];

8) – Эта чёрная сказала, чтобы я не тревожил тебя раньше времени.

– Так что же она сделала?

– Не беспокойся, госпожа, с твоей колдуньей ничего не случится [Ефремов: 228].

3. Вспомогательный глагол “to do” тоже используется в повелительном, утвердительном предложении, придавая этой реплике эмфатический характер. В русском языке вспомогательному глаголу “to do” соответствуют усилительные частицы «да», «же». Глагол “to do” и частицы «да», «же» непосредственно зависят от императивной глагольной формы, образуют вместе с ней интонационный центр императивной конструкции. Их элиминация из конструкции не приводит к нарушению и грамматической, и семантической правильности. Например:

9) – Where are the photos? Have burned them? What for?

– Dallas’ body was shaking with grief

– Do forget it. Crying won’t help [Grisham: 154];

10) – За что, Азazelло, за что? Что вы сделали со мною? Этого я не ожидала, убийца!

– Да нет же. Нет, сейчас он встанет. Ах! не нервничайте же вы так [Булгаков: 326];

11) Tyrone: If it takes my snoring to make you remember Shakespeare in-stead of the dope fiend on the ponies, I hope, I’ll keep on with it!

Mary: Now, James You musn’t be so touchy. James do be quiet. You must have gotten out of the wrong side of the bed this morning [O’Neil: 20-21];

12) Спартанский воин долго посматривал на лабиринт. Угадав его мысли, Тайс сказала: – Да выбрось ты это из головы. Не надо ничего, милый? Кто сможет найти негодяев в трёх тысячах комнат, переходов и подземелий.

– А если придёт отряд Эола, мы выкурим их оттуда, как пустынных лис из нор [Ефремов: 87].

4. Также для выражения утешения используется конструкция с глаголом “to let”: do not + let + прямые дополнения, например: Don’t let that worn you; Don’t let that upset you; Don’t let that distress you.

В русском языке эта конструкция передаётся так: «не надо расстраиваться, не нужно огорчаться, не надо волноваться» и т.д., т.е. с помощью глагола «надо», «нужно» со значением необходимости. Например:

13) – It’s only natural. So don’t let it worry you.

– Oh, I don’t, I know he’ll be all right in a few days if he takes care of himself. But it does seem a shame he should be sick right now.

– Yes, it’s bad luck. But you mustn’t let it upset you, Mary [O’Neil: 17];

14) Варенуха повесил голову, вздохнул и тихо сказал: – Отпустите обратно. Не могу быть вампиром. Ведь я тогда Римского едва насмерть с Геллой не уходил! А я не кровожадный. Отпустите.

– Это ещё что за бред? – спросил, морща лицо, Воланд. – Какой такой Римский? Что это ещё за чепуха?

– Не извольте беспокоиться, мессир, – отозвался Азazelло [Булгаков: 257].

5. В английском языке разговорной речи свойственно употребление подлежащего “you” в предложении с волеизъявлением. В русском языке также существует эквивалентная грамматическая конструкция: местоимение «вы». Например:

15) – That’s why the older Brett children Edwin, Martha, Thomas, grown up as they were in trouble just to hear her say: “Now you just sit down and have a nice cup of tea.” [Sisson: 234];

16) Шнурков (радостно): Вера!

Вера Андреевна (замечая Шнуркова, мрачнеет): Ах, он уже здесь? Тем лучше. И хорошо, что здесь другие товарищи. Я всё скажу. Я требую, чтобы поведение товарища Шнуркова мы обсудили на общем собрании.

Илья Харитонович: Что случилось. Вера Андреевна? Да вы сядьте. Успокойтесь [Долинина: 43];

17) –That is a very comprehensive story. Now you take it easy, boy. You have nothing to worry about. Maybe, you'd better take a nap. You look tired, like me. If there's anything else to remember, just let me know.

– There isn't anything else to remember [Chase: 48];

18) Кустоногов: Вот. Смотрите, На глазах человек погибает. Удар.

Шнурков: Удар?

Вера Андреевна: Да не слушайте вы его, Иван Тимофеевич, Женя просто переутомился [Долинина: 56].

Однако следует отметить, что в английском языке императивные предложения с включением в них подлежащего (именно с семантикой утешения, сопереживания, сочувствия) попадаются не столь часто, как в русском, так, в английском языке нами установлено приблизительно 0,5% из всех литературных примеров. Это можно объяснить тем, что использование подлежащего в предложениях с волеизъявлением способствует усилению напряжения в нём, что не совсем характерно для реплик, в которых говорящий выражает утешение, сопереживание, сочувствие; они произносятся с мягкой, успокаивающей интонацией. Таким образом, универсальность императива, ясность его семантики, широкая употребительность, важная роль в общественно-производительной деятельности, это те специфические черты императивных форм и конструкций, которые делают их естественным объектом типологических исследований [Храковский, Володин, 2002: 4].

II. Важно подчеркнуть, что в разговорной речи говорящий часто избегает употребления непосредственных конструкций волеизъявления, используя более вежливое (проблематичное) побуждение. Одной из форм такого побуждения является Future Indefinite (Будущее время).

Если в реплике на английском языке используются динамические глаголы, предложение приобретает модальный оттенок. Это происходит благодаря тому, что вспомогательные глаголы shall/will сохраняют свои модальные значения.

В английском и русском языках предложения с глаголом будущего времени (Future Indefinite) следуют, в основном, за предложениями с прямым императивом, либо предшествуют ему, делая речевой акт более развёрнутым и эмоционально окрашенным. Например:

19) – We're going to crash, – shrieked the lady journalist.

– Please, stay calm. Everything will be all right [Grisham: 530];

20) Прасковья Фёдоровна: – Что? Что такое? Гроза волнует? Ну, ничего, ничего, ничего. Сейчас мы вам поможем. Сейчас я доктора позову... [Булгаков: 326];

21) – Perhaps, they couldn't find the place in the dark. It's not easy to find it in the dark.

– They won't come. Forget about it [Pinter: 30-31];

22) – Как ты страдал, как ты страдал, мой бедный. Об этом знаю только я... тебе пришлось слишком много думать, и теперь буду думать я за тебя. И я ручаюсь тебе, ручаюсь, что всё будет ослепительно хорошо.

– Я ничего не боюсь. Марго... [Булгаков: 322].

III. Future Indefinite (будущее время) перекликается с другим грамматическим средством, с помощью которого можно косвенно выразить волеизъявление. Это Subjunctive Mood (сослагательное наклонение). Как и предложения с Future Indefinite, эти предложения также используются после прямого императива; они усиливают выражение сопереживания, сочувствия, содержат оттенок совета. Например:

23) – Now, now, lean back and rest. You know, it would be much better for you if you stayed home this afternoon and let me care of you.

– You forget I have an appointment with Hardy [O'Neil: 67].

24) – Послушай! Он думает, что Владимир не его сын, или сам никогда не знавал матери... А я приехала с ним искать примирения? С таким человеком?

– Как вы бледны, сударыня. Обопритесь на меня. Вам бы лучше отдохнуть [Лермонтов: 78].

Часто для того, чтобы выразить поддержку, ободрение с советом используются set phrases – (устойчивые словосочетания с глаголом “would”), would rather (d’rather), would better (d ‘better). Например:

25) – Now when you have it, you’d better sit down and take it easy. I’ll hunt a police.

– No, Johnny. We won’t bother about the police [Grisham: 117].

(на русском ему соответствует сослагательное наклонение)

26) – Что вы вздыхаете, Иван Тимофеевич? Взяли бы лучше да и женились на Вера Андреевне.

– Что ты!.. Как можно? Скажешь, ей богу...

– А что? Все и так знают, что вы равнодушны друг к другу [Долинина: 64];

27) – You’d rather not go to breakfast; you aren’t well enough after your fearful night.

– Yes, I’m very well and I’m only afraid of being late [Chase: 20];

28) – Второй день ношу твоё бельё, Генрих.

– Сколько я должен, Гиви?

– Что ты мы же всё-таки родственники...

– Боюсь, что уже нет. Сегодня звонила Нонна. Сказала, что подала заявление.

– Не всё потеряно. Ты бы лучше ещё раз с ней поговорил [Долинина: 78].

IV.К глагольным грамматическим средствам выражения волеизъявления данного микрополя также относится конструкция (глагол + герундий), типа: “Stop talking, stop imagining things” и т.д. В русском языке этой конструкции соответствует такая конструкция: глагол (перестаньте/перестань, не начинайте/не начинай и др.) + инфинитив несовершенного вида (НСВ). Например:

29) – I hate this house today.

– Stop worrying about what the town thinks, just act as if nothing had happened.

– Oh, I'm not worrying about that...[Williams: 217];

30)– Знаешь его? – Птолемей выхватил у Таис роковую дощечку. Береника, прочитав, упала к его ногам.

– Мой двоюродный брат с материнской стороны, но я, клянусь Стиксом и мраком Аменти, невинна...

– Перестань убиваться так, царица. Мы знаем невиновность твою... [Ефремов: 400].

В приведённых выше примерах был проанализирован глагольный способ выражения побуждения. Но в рамках побудительного предложения существуют разнообразные способы выражения побуждения. В.В. Бузаров, в частности, выделяет два основных способа отражения побуждения: глагольный и безглагольный [Бузаров, 1998]. В живой разговорной речи часто встречаются предложения, где побуждение выражается не с помощью соответствующей формы глагола, а только с помощью существительного, наречия, прилагательного, произносимых с определённой интонацией. В таких случаях сама ситуация говорения делает возможной передачу волеизъявления без помощи глагола.

Среди безглагольных предложений В.В. Бузаров выделяет следующие виды:

а) субстантивные предложения, главная часть которых выражена существительными, конкретными или абстрактными. Например:

31)– I'm not upset. There's nothing to be upset about what makes you think I'm upset?

– Why, nothing, except you've seemed a bit high strung the past few days.

– I have? Nonsense, dear [O'Neil: 17];

32)– Не прогневайся, князь завтра увозит жену в деревню.

– О, это не стерплю.

– Вздор, вздор! Будто нет других женщин.

– Для меня нет других женщин [Лермонтов: 257];

б) побудительные предложения, роль главного члена в которых выполняет наречие (адвербиальные предложения). Например:

33) – Well, if you are going to work, why don't you go. I mean, take the advantage of sunshine before the fog comes back...

– Now, now. Marry. None of that foolishness [O'Neil: 36];

34) – Юрий! Я тебя прощаю и благословляю отцовским благословением.

– Батюшка, я перед вами злодей, я недостойн.

– Полно, полно, - пылкость, ребячество - я это понимаю [Лермонтов: 270].

в) адъективные предложения, роль главного члена в которых выполняет прилагательное (это предложения типа Careful! Easy! Quiet!). Например:

35) – You know we can arrange it all when I come back. Now I'm out of breath with you.

– Quiet. Get calm and clear [Dreiser: 175].

36) – Вот. Слышите?

– Ничего не слышу.

– Как же так? Я отчётливо слышу... Это у меня с прошлого года. После пляжа началось.

– Ужас!

– Нет, ничего. Спокойно, Григорий Малахович. Поначалу трудно, а потом привыкнешь [Долинина: 18].

Если в английском варианте такое предложение – адъективное, то в русском это адвербиальное предложение;

г) самым распространённым типом безглагольных побудительных предложений является звательное предложение (вокатив), которое, прежде всего, выполняет контактоустанавливающую функцию – информирует адресата о том, что говорящий побуждает его так слушающим. Вокатив побуждает

слушать, а императив побуждает действовать. Следовательно, оба они выполняют в принципе одну и ту же апелляционную функцию и являются однофункциональными формами. Специфично, подчёркивает В.С. Храковский, что вокативы более всех остальных грамматических форм выражены интонационно [Храковский, Володин, 2002].

Как правило, звательные предложения произносятся чрезвычайно мягко, нежно, даже ласково. Например:

37) – I hope you'll need the warning, now it comes from his own mouth. But don't take it too much to heart, lad. He loves exaggerate the worst of himself when he's drunk.

– Keep quiet, can't you. Папа? [O'Neil: 120];

38) – Юрий! Я тебя прощаю и благословляю отцовским благословением.

– Батюшка, я перед вами злодей, я недостоин.

– Полно, полно, – пылкость, ребячество – я это понимаю [Лермонтов: 270];

д) побудительные предложения – междометия (Hush: Sssh; Oh, oh; Oh my God; There, there; Come on); в русском это: Эх! И! Ну, ну! Ах! и т.д. Например:

39) – She looked tired and worried.

– Not grieving, are you? He asked, seeing how things stood.

– No-o, she replied.

– Come now, sweet. You mustn't feel this way. It's coming out all right. He took her in his arms and kissed her [Dreiser: 150];

40) – Говорят, что Владимир Павлович вас очень любит...

– Да, мой сын меня любит. Он всегда тот же, какой был сидящий на моих коленях, в те вечера, когда я была счастлива, когда слабость не могла восстановить против меня небо и людей.

– Эх, матушка! Что плакать о прошедшем... [Лермонтов: 77];

41) – Here, here.

– Oh, my God.

– Oh, Oh!

– I'm all right! Are you sure?

– Let me go! [Williams: 284];

42)– За что, Азazelло, за что? Что вы сделали со мною? Этого я не ожидала, убийца!

– Да нет же, нет, сейчас он встанет. Ах, не нервничайте же вы так [Булгаков: 326].

Анализ форм повелительного наклонения подтверждает правомерность утверждения о зависимости употребления данных форм от контекста. Так, в условиях императивного контекста неспециализированные формы глагола, а также другие части речи иногда теряют своё денотативное значение, придавая реализуемому коннотативному значению определённые оттенки, добавочные характеристики, попадая в область побудительной модальности, необычные грамматические формы придают речи исключительную выразительность, превращая стилистически нейтральные высказывания в эмоционально-экспрессивные. Инфинитив и герундий, например, характеризуются выражением побуждения обобщённого типа – они более категоричны и безапелляционны (например: Stop worrying, don't get angry), (Перестань волноваться, не злись и т.д.). Формы же сослагательного наклонения (вопросительная форма) придают побуждению вежливый и завуалированный характер, особенно в предложениях с присоединительной вопросительной частью (например: You are not nervous, are you?)

В устной речи благодаря интонации простая повелительная форма может звучать как вежливая просьба, а вежливое обращение превращается в резкое приказание (Don't – Не надо).

В плане межаспектной синонимии различные части речи, будучи связанными в повелительном предложении с глаголом в императиве, распадаются и начинают самостоятельно выражать побуждение. Так в данной функции могут выступать почти все части речи:

а) существительное. Например:

43) – I'm not upset. There's nothing to be upset about. What makes you think I'm upset?

– Why, nothing, except you've seemed a bit high strung the past few days.

– I have. Nonsense, dear [O.N'eil: 17];

44) – Не прогневайся, князь завтра увозит жену в деревню.

– О, это нестерпимо.

– Вздор, вздор! Будто нет других женщин [Лермонтов: 257];

б) наречие. Например:

45) – Don't mention the firm to me, Kay. I don't want to hear about what they like or dislike, or what they do or don't do.

– It'll get better, Abby. I promise. You must understand that your husband and my husband are both lawyers but they couldn't earn this kind of money anywhere else [Grisham: 35];

46) – Юрий! Я тебя прощаю и благословляю отцовским благословением.

– Батюшка, я перед вами злодей, я не достоин.

– Полно, полно, пылкость, ребячество – я это понимаю [Лермонтов: 270];

в) междометие. Например;

47) – Monster! Would that he could be blotted out of creation and out of my memory!

– Hush! Hush! He's a human being, I said. Be more charitable. There are worse men than he is yet [Bronte: 184];

48) – За что, Азazelло, за что? Что вы сделали со мною? Этого я не ожидала, убийца.

– Да нет же, нет, сейчас он встанет. Ах, не нервничайте же вы так [Булгаков: 326];

г) прилагательное: в русском языке прилагательное в подобной ситуации не выступает; эквивалентом в таких случаях служит наречие. Например:

49) – You know me, we can arrange it all when I come back. Now I am out of breath with you.

– Quiet, quiet. Get calm and clear [Wild: 123];

50) – Вот. Слышите?

– Ничего не слышу.

– Как же так? Я отчетливо слышу... Это у меня с прошлого года. После пляжа началось.

– Ужас.

– Нет, ничего. Спокойно, Григорий Михайлович. Поначалу трудно, а потом привыкнешь [Долинина: 18];

д) отрицание. Например:

51) – I'm sorry I spoke unfairly or at the wrong time.

– No. You didn't, you didn't. Now don't feel bad. Nothing's happened [Grisham: 314];

52) Маргарита сразу узнала его, простонала, всплеснула руками и подбежала к нему. Она произнесла только одно слово, бессмысленно повторяя его:

– Ты, ты, ты...

– Не плачь, Марго, не терзай меня. Я тяжело болен. Мне страшно. Марго, у меня опять начались галлюцинации.

– Нет, нет, нет! Не бойся ничего! Я с тобою. Верь мне, что тебе помогут [Булгаков: 25];

е) слово “please”. Например:

53) – Trust me, Abby. I can explain later. I'll meet you outside and we'll find another place to eat. I can't talk here.

– You're scaring me.

– Please, he said firmly, – squeezing her hand, – everything is fine. I'll bring your coat [Grisham: 195];

54) – Я уж, Мань, не стала на свадебное платье тратиться. Нет сейчас возможностей. Миша в техникум будет поступать, и его родителям надо помочь: строиться хотят. Ведь не в платье счастье? Мань?

– Зачем и спрашиваешь?

– Манявочка! Ты что это? Пожалуйста, приободришь! Ну ради меня!
[Долинина: 63].

Перечисленные безглагольные побудительные высказывания выделяют именно то, как, где, каким образом необходимо выполнить действие, либо подчеркнуть лицо или предмет действия.

Таким образом, на основе всего вышесказанного можно предложить следующую схему классификации грамматических средств выражения побуждения микро поля утешения, сочувствия, сопереживания.

Ко второй группе средств выражения волеизъявления – лексико-грамматической группе – относятся модальные глаголы и их заменители: May, Can, Must, Ought, Should, Shall, To be to, To have got to.

В русском языке им соответствуют глаголы мочь, должен и т.д.

I. Наиболее употребительным модальным глаголом, выражающим утешение и ободрение со значением необходимости, является глагол - must -. В значении эмфатического совета он используется с Present Indefinite (настоящим временем), в отрицательной форме. Например:

55) – Now, James! You mustn't be so touchy.

– Yes, for Pete's sake. Papa. The first thing after breakfast. Give it a rest, can't you? [O'Neil: 27];

56) – Консерватор! Рутинер! Перестраховщик! Я встретился с самим гением науки, взял у него интервью, а он не смеет мне, нет, не мне, вам – вы слышите доктор? – он смеет вам не верить!

– Ничего, ничего. Вы не должны больше об этом думать [Долинина: 58];

57) – It's just a cold he is got. The lad is damned sick [O'Neil: 33-34];

58) – ... Вот вы сейчас тут шумите, а этот ваш Илья Харитонович испытывает нечто похожее на легкую головную боль.

– Нет, я сегодня его до мигрени доведу.

– Бросьте, юноша! Вы не должны терять голову [Долинина: 58];

59) – We are so proud of you. Mama... You mustn't worry so much about Edmund.

– He'll be all right.

– Of course, he'll be all right [O'Neil: 33-34].

II. Практически в таком же значении используется и глагол -to have got to, have to-. В русском языке оттенок необходимости могут передавать еще и глаголы надо, нужно. Например:

60) – We are all so proud of you, Mama. So damned happy. But you mustn't worry so much about Edmund. You've still got to be careful. He'll be all right.

– Of course, he'll be all right [O'Neil: 33-34].

61) ... У меня характер такой. Мне что поручат, я выполню, а с начальством ... тут я не спорю. Я сам себе ручаюсь за свой характер.

– Бросьте, Иван Тимофеевич. У вас чудесный характер. Вам надо быть только чуть-чуть посмелее [Долинина: 8].

III. Глагол - to be to - выражает настоятельный совет. Например:

62) – You will have to be patient with me. I'm not a good success here.

– Now, now... you are to stop thinking [O'Neil: 143];

63) – Ну и парни пошли, грозой их расшиби! Ну и плакать тоже особо не приходится. Таких-то Володек за забором набором. Не было женихов, и этот не жених... Бери-ка ложку да ешь.

– Нет, мама, не могу! [Долинина: 32].

IV. В более официальной обстановке используется глагол -may-, который выражает как утешение, так и соболезнование. Акцентируя средства выражения, которые использует говорящий, высказывая соболезнование о том, что случилось, следует подчеркнуть то, что именно в таком значении они

встречаются редко (0,3%). Это объясняется тем, что сами ситуации говорения, в которых могут прозвучать слова соболезнования, встречаются также не часто (ведь соболезнование выражается, как правило, в случае смерти близкого человека). Например:

64) – Mrs Brooks, may I say how sorry I was to learn of your husband's death and how much I regret the necessity of asking you to come today.

– Thank you, Mr Kane [Archer: 154];

65) – Ну, как живешь, Гиппократушка?

– Хорошо, что вы приехали.

– Она была красивая?

– Да... очень.

– Позволь мне выразить мои самые искренние соболезнования
[Арбузов: 9].

66) По дороге к другу я встретил твою бывшую жену...

– Ты меня осуждаешь?

– За что? Это может случиться с каждым... [Арбузов: 94].

V. Модальный глагол - can - обозначает надежду, заверение, убеждение в уверенности в благополучном исходе. В русском языке это глагол «мочь». Например:

67) – Listen, Mama.

– Now, now, don't talk?

– Mama! Please, listen! I want to ask you something. You - you've only just started.

– You can still stop... [O'Neil: 67];

68) – Ирина Федоровна, как же это так, а? Я всегда Игоря Дмитриевича уважала. Как же он мог?

– Да вот так... Не отчаивайтесь. Вы еще можете смягчить приговор
[Долинина: 72].

VI. В вопросе, используя глагол *can* - говорящий дает совет в более тесной форме. Например:

69) – Now, James! You mustn't be so touchy.

– Yes, for Pete's sake. Papa. The first thing after breakfast.

– Give it a rest, can't you? [O'Neil: 24];

70) – Когда я вижу работающего человека - я могу в нем ошибиться как в человеке. Но когда я увижу, как он проводит время после работы, - я в нем не ошибусь. Скажи мне как ты отдыхаешь, и я скажу кто ты. Понял?

– Нина, ты можешь успокоиться? Я тебе предложил рыбалку. Я обожаю это занятие [Арбузов: 106].

К лексическим средствам выражения волеизъявления относятся:

1. Interjections (междометия), которые по классификации Баранова [Баранов, 1987:149–150] могут быть:

а) специальными словами, набором звуков, которые не ассоциируются ни с какой другой частью речи: Oh! выражает удивление, сожаление, сочувствие; hush – утешение, успокаивание; а также here, fie, pooh и многие другие. Например:

71) – Here, here

– Oh, my God

– I'm all right

– Are you sure! [O'Neil: 284];

72) – Говорят, что Владимир Павлович вас очень любит.

– Да, мой сын меня любит. Он всегда тот же, какой был сидящий на моих коленях.

– Эх, матушка, что горевать о прошлом? [Лермонтов: 49].

В русском языке это – производные междометия (эх, ах, ну, увы, фу и др.);

б) междометия также могут быть производными от любой части речи, here, come – простые; dear me, confound it, hang it и т.д. – сложные в английском и в русском – Брось! Извините! Ужас! Ничего! и др. Например:

73) – You are weeping. You are shaking with grief. For me I can't believe it. For my plight.

– I've been wrong. Come, come, stop it [Williams: 118];

74) – Вот. Слышите!

– Ничего не слышу.

– Как же так! Я отчетливо слышу... Это у меня с прошлого года. После пляжа началось.

– Ужас! [Долинина: 18];

75) – Now, now, you mustn't stand about like this. Take a seat. Which would you prefer?.. [Pinter: 182];

76) – Прасковья Федоровна!

– Что? Что такое? Гроза волнует? Ну, ничего, ничего. Сейчас мы вам поможем. Сейчас я доктора позову [Булгаков: 326].

2. К этой же группе лексических средств выражения относятся следующие глаголы:

а) глаголы психологических и эмоциональных состояний. Например: to understand, to love, to be sad, to be upset, to be excited, to worry, to cheer up, to be nervous, to relax, to mind = понимать, любить, бояться, печалиться, волноваться, беспокоиться, сердиться, расслабляться, расстроиться, волноваться и т.д. Например:

77) – Do you think it's horrid of me to be thrilled at going off?

– Rather horrid to about it plainly.

– Then I'll hide it.

– Oh, don't trouble! [Sisson: 38];

78) – Стекла бьют. Мама! Мама, я боюсь.

– Не бойся, не бойся, маленький... [Булгаков: 24];

79) – Do not worry me, about Constance.

– I can't help it.

– Is this it?

– This is it.

– Are you sure!

– Yes, I'm sure.

– What now?

– Don't worry yourself. Take a seat. Relax. What's the matter with you!

Learn to relax, McCann [Pinter: 37];

80) – Мой сын Юрий был влюблен в вашу супругу до ее замужества и, кажется, был несколько ей приятен.

– Я не сомневаюсь в добродетели княгини.

– Вы очень счастливы.

– Не спорю-с... О, я дурак!., о глупая ослиная голова... теперь понимаю, понимаю... этот анекдот? все было на мой счет сказано.

– Успокойтесь, прошу вас, все еще поправить можно...

– Нет, никогда не успокоюсь...

– Утешьтесь, я очень понимаю ваше положение, но что же делать? Не взыщите, я говорю от сердца, князь.

– Не беспокойтесь – вы истинный друг [Лермонтов: 256];

б) глаголы произвольных физических состояний: to cry, to sleep, to forget, to die = плакать, умирать, рыдать, забывать и т.д. Например:

81) – I know you both would have to be different if you'd been able to associate with nice girl instead of...

– Oh, Mama! Forget it!.. [O'Neil: 39];

82) – Мне суждено умереть от злодейских рук без покаяния, как бусурману.

– Не может быть, батюшка, ты не умрешь [Лермонтов: 372];

83) – We must be mad!

– Father, don't cry! Everything seems to be going ahead [Sisson: 364];

84) – Я хочу видеть их мучения... месть... месть!.. злодеи прости, боже мое согрешение...

– Так я нынче же начну дело. Только, сударыня, не беспокойтесь, не огорчайтесь... весь дом на вас не заплачется [Лермонтов: 39].

3. Устойчивые словосочетания to pull oneself together; never mind; take easy; to pay no attention; to calm down; to cheer up; to tuck up; to blow one's nose, и др. = взять себя в руки, не обращать внимания, держать голову высоко или нос по ветру и др. Например:

85) – That's a very comprehensive story. Now you take it easy, you've nothing to worry about... If there's anything else you remember, just let me know.

– There isn't anything else to remember [Chase: 54];

86) – Видите ли, доктор, у нас случай какого-то гипноза... Так вот необходимо...

– Держите себя в руках [Булгаков: 70];

87) – You are weeping. You are shaking with grief... Come, come, stop it. Be a man. Blow your nose for goodness sake. Pull your seel together [Pinter: 197];

88) – Мань, да ты что это! Ты его не любишь, да?.. На мой платочек, Мань, утрись. Ну я тебя умоляю. Выше нос!

– Боже мой, какие мужчины пошли... [Долинина: 44].

В целом необходимо отметить, что все три группы средств выражения волеизъявления (см. схему в приложении), а именно: грамматическая, лексико-грамматическая и лексическая не существуют сепаратно. Они взаимодействуют на страницах литературных произведений и переплетаются в устной речи. Естественно, что на доминирование той или иной группы средств выражения может повлиять особый стиль автора.

2.3. Коммуникативная направленность диалогические единства побудительного типа микрополя сочувствия, сопереживания, утешения.

Исследования ДЕ побудительного типа не могут завершиться только анализом средств выражения волеизъявления и классификацией оттенков прагматического значения, т.к. реплика, содержащая императив, может быть представлена в форме вопроса, повествовательного предложения или сочетать и то, и другое. Также и ответная реакция собеседника может быть различной: он может согласиться (причём, согласие может быть выражено прямо или косвенно) или отказаться принимать во внимание то, что ему говорят, предлагают или советуют сделать. Поэтому, в последующем анализе, опирающемся на второе направление в исследованиях ДЕ, внимание сосредоточено на «функциональных сторонах» диалога. Представители этого направления Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1972], А.Р. Балаян [Балаян, 1971], Г.А. Пенькова [Пенькова, 1972] учитывая коммуникативную направленность реплик в диалогах, выделяют различные их типы:

1. Вопросно-ответный диалог. Например:

89) – Do you know what time Master Eddie left the house this morning?

– Five o'clock. But never mind that. You'll have to buy flowers soon [Wharton: 254];

90) – Что же делать?

– Ну вот и славно!.. Не напрягайте головы и старайтесь поменьше думать о Понтии Пилате. Мало ли чего можно рассказать. Не всему же надо верить [Булгаков: 28].

2. Диалог, в котором информация поступает через сообщение, подтверждение, совет, просьбу и т.д. и который, в свою очередь, делится на:

а) диалог-согласие. Например:

91) – It's only natural. So don't let yourself get worried.

– Oh, I'm not. I know he'll be all right if he takes care of himself [O'Neil: 17];

92)– Вам надо отдохнуть... Вы слишком предались печали этой ночью, усните.

– Постараюсь [Лермонтов: 227];

93)– William, when you are dealing with the Peter Parfitts of this world... keep your wits about you and play the whole thing very cooly.

– I'll try to be cool, that is [Archer: 307];

94)– Клянусь тебе твоею жизнью, клянусь угаданным тобою сыном звездочёта, всё будет хорошо.

– Ну ладно, ладно [Арбузов: 78];

б) диалог-возражение. Например:

95)– Play it cool.

– I don't like playing it cool [Wild: 16];

96)– Что же это с вами делается? Утешьтесь... Не всё горе, не всё печаль на свете. Успокойся, батюшка.

– Однако ж... [Лермонтов: 57];

97)– Don't worry for me. Aunt Constance.

– I can't help it [Williams: 233];

98)– Здоровы ли вы, барин... Вы так бледны... Ваш батюшка только погорячился, он вас простит.

– Поди, добрый человек, это до тебя не касается [Лермонтов: 57];

в) диалог, в котором согласие и возражение чередуются. Например:

99)– It's only natural. So don't let yourself get worried.

– Oh, I'm not. But it does seem a shame he should be sick now.

[O'Neil: 18]

100)– Прощай, царь! Пусть хранят тебя все боги Эллады, Египта и Азии в славных делах твоих... Ты пришёл в возраст, пора выбирать только одну царицу. Ты её выбрал. О чём говорить?

– Да, я знаю. Но незабвенно великое прошлое, когда я сопутствовал Александру, и ты была с нами, в Месопотамии [Ефремов: 40].

Как видно из данных примеров, адресуемый соглашается с советами говорящего, но, вместе с тем отказывается утешиться, не волноваться, т.е. выполнить их.

Здесь важно отметить, что согласие и несогласие может быть выражено прямо и косвенно (проблематично); с помощью различных средств – повтора, подхвата, импликации, репрезентации. Побуждение может вызвать и объяснение. Однако часто трудно бывает отнести реплику к согласию или объяснению, т.к. она может выражать объяснение, а подразумевать согласие. Например:

101) – I didn't wish to go to the party. Aunt Constance. And Frederick had a most important appointment.

– In our age we made marriage more romantic. But never mind. I guess the new way is more sensible.

– Yes, of course, thank you [Williams: 259];

102) – Не отдам я тебя, Миша!

– Ты что? Переживём - большое дело.

– Да, Миша, ты прав [Долинина: 58];

103) – My father is the most frightful perfectionist. But don't worry.

– Oh, no [Dreiser: 167];

104) – Прасковья Фёдоровна!

– Что? Что такое? Гроза! Волнует? Ну, ничего, ничего... Сейчас мы вам поможем. Сейчас я доктора позову.

– Нет, Прасковья Фёдоровна, не надо доктора звать... [Булгаков: 326].

В этих примерах согласие и несогласие выражено прямо, в то время как в последующих – косвенно. Например:

105) – Keep your wits about you and play the whole thing very coolly.

– I'll try to be cool, that is [Archer: 307];

106) – Ты всё ещё любишь Александра?.. Я поняла. У тебя нет никакой надежды, так зачем же рыдать под звездой, которую всё равно не снять с неба? Она совершит начертанный ей путь, а ты совершай свой.

– Знаю... [Ефремов: 34];

107) – I know he (Jammie) will be all right in a few days if he takes care of himself. But it does seem a shame he should be sick right now.

– Yes, it's bad luck. But you mustn't let it upset you, Mary. You've seemed a bit high tired the past few days.

– I have? Nonsense, dear. It's your imagination [O'Neil: 18];

108) – Нет, нет, говорю тебе: я не создан для людей...

– Как ты не создан для людей? Напротив! Ты любезен в обществе; дамы ищут твоего разговора; ты любим молодежью.

– Я вижу! Ты хочешь меня утешить [Лермонтов: 87].

Следует также отметить, что побуждение также может быть а) прямым или б) скрытым (проблематичным).

а) прямое побуждение. Например:

109) – I think that if she didn't give a damn for you. She'd probably be extremely polite as if you were a guest in the house...

– Danm you!

– Cheer up, old lad. Look on the brighter side [Sisson: 248];

110) – Мань! Знаешь чего. Письмо вот у меня. Антонина сестра из Ельца пишет... Очень просит, чтобы мы им Люську отдали. Они тем живут дай бог. Девочка будет как в масле кататься.

– А тебе её кормить нечем... А я не отдам...

– Не плачь, касатка. Выходит так, что надоть отдать... [Долинина: 47];

б) скрытое (проблематичное) побуждение. Например:

111) – Mary..

– But it's absurd of you to be so gloomy and to make such a great to do about nothing.

– Never mind, dear... [O’Neil: 66];

112) – Говорят, Владимир Павлович вас очень любит...

– Да, мой сын меня любит... Он всегда такой же, какой был, сидящий на моих коленях...

– Эх, матушка, что плакать о прошедшем? [Лермонтов: 77].

3. Последним типом диалога, по классификации Г.А. Пеньковой и др., является смешанный диалог [Пенькова, 1972]. Например:

113) – You’ve never had a chance to meet decent people here. I know you both would have been so different if you’d been able to associate with nice girls instead of...

– Oh, Mama, forget it! Who cares?

– And don’t call your father the Old Man [O’Neil: 36];

114) – Что вы всё вздыхаете, Иван Тимофеевич?.. Чего же вздыхать зря? Всего-то вы боитесь. Берите пример с меня. Или вон с Кустоногова.

– Верно. Такой уж характер [Долинина: 64].

Диалоги типа диалог-согласие могут быть 2-х, 3-х, 4-х, 5-ти, 6-ти, 7-ми, 8-ми членными. Большинство из них (в английском 31%, в русском – 25% отобранных литературных примеров) двухчленные. Это объясняется тем, что слушающий (адресат) соглашается, в основном, выполнить инструкции или советы говорящего и этим ДЕ заканчивается. Например:

115) – I know you’d never say that unless...

– But. God, Jamie, no matter how drunk [O’Neil: 116];

116) – Я хочу видеть их мучения... Мечь... Мечь! ... Злодеи, прости. Боже, моё согрешение...

– Так я нынче же начну дело. Только, сударыня, не беспокойтесь, не огорчайтесь... Весь дом на вас не наплачется [Лермонтов: 39].

Если же реципиент не соглашается с мнением говорящего, т. е. его речь оказывается неэффективной, то ДЕ данного типа увеличиваются до 3-х и более реплик, особенно когда один собеседник успокаивает другого в неформальной

обстановке и поэтому может не только утешать, но и ободрить, выразить сочувствие, дать совет. Например:

117) – I'm afraid you are not very sensitive after all. You might have guessed, dear, that after I knew you knew about me.

– I had to be glad whenever you were where you could not see me.

– Mama! Don't! All this talk about loving me and you won't even listen when I try you tell you how sick I am.

– Now, now. That's enough. We care about you.

– I know it's nothing but Hardy's ignorant lies [O'Neil: 86];

118) – Мой сын Юрий был влюблён в вашу супругу до её замужества, и, кажется, был несколько ей приятен.

– ...Я не сомневаюсь в добродетели княгини... О, я дурак!.. о, глупая ослиная голова... теперь понимаю... этот анекдот... всё было на мой счёт сказано!

– Успокойтесь, прошу вас! Всё ещё поправить можно.

– Нет, никогда не успокоюсь.

– Я вам это сказал по долгу честного человека... и потому, что знаю сына...

– Вы правы - посудите теперь! Ну, не несчастнейший ли я человек в мире!

– Утешьтесь, я очень понимаю ваше положение, но что же делать!

– Что делать? Вот видите, я человек решительный, завтра же уеду из Москвы в деревню - ныне же велю ей готовить.

– Это самое лучшее средство. Не взыщите, я говорил от сердца, князь...

– Не беспокойтесь, вы - истинный мой друг, прощайте.

– Ну, слава богу [Лермонтов: 47].

Но бывают и 12-ти членные ДЕ. Причинами столь сильного расширения могут послужить отрицание или несогласие второго собеседника,

его нежелание прислушаться к словам первого собеседника, вступление в разговор ещё одного или двух собеседников. Например:

119) – Tell me the truth why are you suspicious all of a sudden!

– I'm not.

– Oh, yes, you are.

– Now don't start imagining things. Mama.

– It makes so much harder living in this atmosphere of constant suspicion, knowing everyone is spying on me and none of you believe me or trust me.

– That's crazy, Mama. We do trust you.

– If there was only some place I could go to get away for a day or even an afternoon.

– Stop it, Mama. You are getting yourself worked over nothing.

– Your father goes out. He meets his friends at barrooms at the club. You and Jamie have the boys you know. You go out but I'm alone. I've always been alone.

– Come now. You know that's a fib.

– Because you are afraid to trust me alone. I insist you tell me why you acted so differently this morning.

– It's stupid. It's just I wasn't asleep [O'Neil: 37];

120) – Главное знаете что? Не жениться и не выходить замуж, пока не почувствуешь, что совершенно, ну совершенно необходимо.

– А если он женат?

– Ничего, Раечка. Вы себе ещё такого парня найдёте... Вы же добрая...

На что вам сдался этот сонный Фёдор?

– Господи! Какой ещё Фёдор? Да вы, значит, совсем ещё не понимаете. Это вас, доктор Гоша, я полюбила на всю жизнь.

– Ой, не надо!

– А это уж не от меня, ни от вас не зависит.

– Понимаете, Раечка, я к вам очень хорошо отношусь. Чисто дружески. Даже более того – я вас люблю...

– Если бы вам отбросить ещё это проклятое «очень».

– Ну, Раечка, не надо...

– Ну и ладно. Безответная любовь – тоже счастье.

– Вы на самом деле так думаете?

– Да... [Долинина: 99].

2.4. Социолингвистический аспект применения диалогических единств побудительного типа микрополя утешения, сочувствия, сопереживания

Для того, чтобы правильно оперировать императивными высказываниями, особенно теми, в которых содержится утешение, ободрение, успокоение, сочувствие, и которые сами по себе являются этикетными, необходимо разбираться в социолингвистической природе их употребления.

По определению В.С. Храковского и А.П. Володина, «этикет определяется как социально-детерминированные формы поведения человека в обществе» [Храковский, Володин, 2002]. В правилах этикета отражаются и выражаются некоторые социально существенные типы отношений, например: (1) пола, (2) возраста, (3) общественного положения [Цивьян, 1962: 79–83]. Каждое из этих подобных отношений предписывает любому члену общества определённый модус поведения, называемый социальной ролью (по данному отношению).

В своих работах такие крупнейшие лингвисты, как Л.П. Якубинский [Якубинский, 1923: 96–194], Н.И. Конрад [Конрад, 1959: 5–16], А.А. Холодович [Холодович, 1967: 202–208], С.В. Неверов [Неверов, 1982: 149], пришли к единому мнению относительно определения понятия «языковое поведение» или «языковое существительное», которое они понимают как речевое общение людей. Довольно очевидно, что языковое поведение должно регламентироваться определёнными правилами, которые составляют весьма

существенную часть правил этикета, действующих в данном обществе. Эту часть правил естественно называть правилами языкового, точнее, речевого этикета.

Оба участника диалога – говорящий и слушающий – находятся друг с другом во всех социально существенных для данного языкового коллектива отношениях, выполняя по каждому из этих отношений определённую роль, однако в каждом акте общения партнёры, адресуясь друг к другу, всегда ориентируются только на одно (а не все!) социальные отношения, и каждый выбирает ту форму обращения (если их больше одной), которая соответствует его роли и роли собеседника по избранному в данной ситуации предпочтительному социальному отношению. В.С. Храковский и А.П. Володин также выделяют три основные группы социальных отношений:

1. Отношение возраста.
2. Отношение интимности.
3. Отношение общественного положения.

«Очень важным, релевантным во многих (если не во всех) языковых коллективах является отношение возраста» [Храковский, Володин, 2002: 27]. По этому отношению всё множество потенциальных партнёров по общению разбивается на два класса: взрослые (немолодые = совершеннолетние = старшие) и невзрослые (молодые = несовершеннолетние = младшие). Для любого говорящего отношение возраста принимает два значения: взрослый и невзрослый. В русском языке невзрослый при обращении к невзрослому пользуется императивной формой множественного числа; взрослый при обращении к невзрослому – императивной формой единственного числа. В английском языке кроме соответственного интонационного оформления реплики, которое играет очень важную роль, широко используются вокативы (невзрослого к взрослым – Mr, Mrs, Miss, и т.д.; взрослого к невзрослому – sonny, lad и т.д.; слово please; императив также может быть выражен проблематично, не прямо).

Для такого обращения взрослого к невзрослому свойственно употребление реплик, в которых содержится утешение со значением совета, необходимости, а для обращения невзрослому к взрослому реплики с уверением в благополучном исходе с советом.

а) обращение взрослого к невзрослому. Например:

121) – You mustn't let yourself be too down-hearted by the bad news you had today.

– Both the doctors promised me if you obey orders at the place you are going. You'll be cured in a six months or a year at most.

– Don't kid me. You don't believe that [O'Neil: 102];

122) – Ирина, не волнуйся. Пришёл Юрий Медведев, один. Сказал, что потерялись в дороге. У Рида что-то с ногой.

– Как же они дошли? [Долинина: 63];

123) – Now, now... lean back and rest. You know, I think it would be much better for you if you stayed home this afternoon and let me take care of you.

– You forget I have an appointment with Hardy [O'Neil: 67];

124) – Товарищ капитан, сопровождающие ждут...

– Пора, Михаил.

– Вы уж не забываете о ней.

– Об этом не беспокойся [Арбузов: 74];

б) обращение невзрослому к взрослому. Например:

125) – Oh, Miss Chapman, - exclaimed Flora, - wherever did you put the purse?

– Wherever can it be?

– Oh, don't worry, Miss Chapman, – said Flora comfortably. - It'll turn up [Sisson: 172];

126) – Заметно, что что-то случилось? Я очень бледна?

– Да нет, что вы, Мария Васильевна, успокойтесь!

– Я уже спокойна... [Долинина: 40].

К числу релевантных социальных отношений относится также отношение, условно называемое отношением интимности. По этому отношению всё множество партнёров по общению разбивается на два класса: чужие/свои. В русском языке при обращении к чужому говорящий использует императивную форму множественного числа, а при обращении к человеку своего круга общения, другу, члену своей семьи – императивную форму единственного числа. В английском языке говорящий может использовать вокативы типа Darling, sister, old lad, Mama, Papa, Aunt; практически все грамматические, лексико-грамматические, лексические средства выражения императива, который может быть и прямым, и проблематичным; реплики со значением совета, ободрения, необходимости, с уверенением в благополучном исходе того, что случившееся несерьёзно и др. – в отношениях со «своими». Такие ДЕ составляют большую группу от всех остальных – приблизительно 50%.

В разговоре с чужими говорящий использует проблематично выраженный императив; выражая сочувствие, в основном, фразу “I am sorry”; реплика, содержащая утешение, ободрение, включает в себе совет.

К числу релевантных социальных отношений принадлежит также отношение общественного положения. Наиболее характерная разновидность его – отношение служебного положения. Для любого человека (или работающего человека) потенциальные партнёры по общению делятся на два множества: 1) люди одной социальной прослойки (или сослуживцы); 2) люди другой социальной прослойки: социальный статус может быть выше/ниже (или люди, с которыми данный человек не связан служебными отношениями).

Что касается служебных отношений, то они тоже бывают асимметричными. Это отношения начальника и подчинённого. Несимметричность этого отношения может сохраниться и в общении. В этом случае в русском языке начальник обращается к подчинённому с формой единственного числа, но бывает и так, что любые сослуживцы при обращении избирают форму множественного числа. В случае когда подчинённый

обращается к начальнику с формой множественного числа в английском языке очень много значат вокативы (например: Mr, Doctor, Professor, и т.д.), когда же начальник обращается к подчиненному, используется просто имя или фамилия (например: McCann, Lulu, Nat, и т.д.). Если в первом случае реплика содержит утешение с советом, надеждой на благоприятный исход, используются более мягкие формы императива, то во втором в репликах выражены долженствование, необходимость (хоть и не всегда); императивные конструкции более категоричны.

К другому виду принадлежит отношение лиц, занимающих одно и то же положение в служебной иерархии. Это отношение является симметричным, что отражается в правилах речевого этикета. Лица, связанные этими отношениями, обращаются друг к другу либо с формой единственного числа, либо с формой множественного числа, в зависимости от узуса, принятого в данном коллективе. Так происходит в русском языке. В английском языке симметричные отношения приравниваются к отношению между друзьями, близкими людьми. Рассмотрим несколько примеров:

1. Асимметричные отношения. Например:

127) - You mustn't look uncomfortable, General.

– Do I look uncomfortable? [Wharton: 137].

(подчинённый – начальник);

128) – Это ещё кто?

– Отпустите обратно, не могу быть вампиром. Ведь я тогда Римского едва насмерть с Геллой не уходил! А я не кровожадный. Отпустите!

– Это ещё что?

– Не извольте беспокоиться, мессир [Булгаков: 257];

129) – Is this it?

– This is it.

– Are you sure?

– Yes, I'm sure.

– What now?

– Don't worry yourself. Take a seat... Relax. What's the matter with you?

Learn to relax, McCann [Pinter: 37];

(начальник - подчинённый);

130)– Товарищ дежурный, распорядитесь, чтобы выслали пять мотоциклетов с пулемётами для поимки иностранного консультанта.

– Помилуйте, вы плохо себя чувствуете, останьтесь у нас.

– Пропустите-ка [Булгаков: 62].

2. Симметричные отношения. Например:

131)– Because you were grave and silent, and gave me no encouragement.

– But I was embarrassed.

– And so was I.

– You might have talked to me more when you came to dinner.

– A man, who had felt less, might [Austen: 469].

132)– Не забудь, Андрей Петрович, – сказала матушка, – поклониться и от меня князю Б.; я, дескать, надеюсь, что он не оставит Петрушу своими милостями.

– Что за вздор! – отвечал батюшка нахмурясь. – К какой стати стану я писать к князю Б.?

– Так ведь ты сказал, что изволишь писать к начальнику Петруши.

– Ну а там что? [Пушкин: 235].

Вывод: проанализированные примеры ДЕ с репликами, в которых содержится утешение, сопереживание, сочувствие из литературно-художественных произведений на английском и на русском языках подтверждают сведения, сформулированные В.С. Храковским и А.П. Володиным, правда, которые были сделаны на материале русских императивных форм: «При обращении к старшему (по возрасту, должности, званию) или постороннему принято употреблять глаголы в форме множественного числа (утешьтесь, успокойтесь), а при обращении к детям,

членам семьи, друзьям, сослуживцам – формы единственного числа (утешься, успокойся)».

В английском языке на правильный выбор реплики также влияет ситуация. Если говорящий обращается к членам семьи, друзьям, сослуживцам, то императивное высказывание, содержащееся в реплике, менее категорично; утешение имеет значение совета, ободрения, уверения в благополучном исходе.

Используются следующие вокативы: Darling, Sweetheart, Mama, Papa, Aunt, Sonny, Old lad и т.д.

Если же говорящий старается утешить человека, старшего по возрасту, должности, званию, он использует вокативы Mr., Mrs., Doctor, Professor. Если же второй собеседник ниже по социальному статусу, возрасту, должности, первый собеседник может, обращаясь к нему, назвать по имени, фамилии McCann, Lulu, и др.; реплика, содержащая утешение, имеет значение необходимости, совета. Что же касается интонационного оформления реплик, то тон голоса должен быть спокойным, мягким, нежным; интонация понижающая – всё это предполагает само микрополе утешения, ободрения, сочувствия, успокоения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведённого исследования представляются правомерными следующие выводы:

Анализируя ДЕ побудительного типа с репликами макрополя волеизъявления (МПВ) микрополя утешения, сопереживания, сочувствия можно сделать вывод о почти полном совпадении этих ДЕ в русском и английском языках – в отношении средств выражения волеизъявления; прагматического содержания; их коммуникативной направленности; а также релевантности в функционировании, ограниченном рамками языкового или речевого этикетов как в английском, так и в русском языках. В английской подсистеме использование реплик МПВ микрополя утешения, сопереживания, сочувствия не уступает их использованию в русском языке. Более того, ДЕ этого типа являются полноценными по сравнению с другим типом ДЕ МПВ по объёму, по содержанию, по коммуникативной направленности. Волеизъявление в изучаемых ДЕ может быть выражено как прямо (категорично), так и косвенно (проблематично). Этому способствует обилие и разнообразие всех трёх групп средств выражения – грамматической, лексико-грамматической, лексической.

Первая реплика в таких ДЕ может быть поставлена в форме вопроса, информационного вопроса (закрывающего в себе сообщение, совет, просьбу и т.д.) или комбинировать в себе первые два типа. Ответная реакция тоже неоднозначна. Второй собеседник либо соглашается с мнением первого или отрицает его; существует комбинированный вариант. Ответ выражается либо косвенно, либо прямо. Диалог-согласие может быть 2-х, 3-х, 4-х, 5-ти, 6-ти, 7-ми, 8-ми членным. Но в том случае, если в диалоге-несогласии возникает острая полемика, количество его реплик может достичь 20-ти. Реплика, в которой выражается утешение, сопереживание, сочувствие, занимает различные позиции в ДЕ: начинает его, вклинивается, завершает, а также может быть и в начале, и в конце. Относительно прагматического содержания этих реплик, то они могут выражать совет, необходимость, уверение в

благополучном исходе, сопереживание, неизбежность в жизни неприятностей и бед, уверенность в том, что собеседник не виноват в случившемся, уверенность в том, что случившееся не серьёзно или просто соболезнование. Их использование ограничено рамками речевого этикета, который учитывает: 1) отношение возраста, 2) отношение интимности, 3) социальное отношение.

При выборе средств выражения утешения, сопереживания, сочувствия, соболезнования говорящий на английском языке и говорящий на русском языке руководствуется практически сходными критериями – это что касается лексики и грамматики. Были замечены лишь некоторые различия: в русском утешение, сочувствие, сопереживание могут быть выражены с помощью конструкций глагол + инфинитив несовершенного вида, а в английском – глагол + герундий; в английском нам встретились безглагольные адъективные предложения, а в русском эквивалентной конструкции мы не нашли. Как правило, употребление императивных форм выражения побуждения преобладает над всеми остальными формами, хотя и незначительно (в русском – 55%:45%, в английском – 60%:40%).

Следует отметить преобладание прохибитива над чистыми императивными формами (в русском – 70%:30%, в английском 60%:40%), это объясняется рядом семантических причин.

Было замечено, что англоговорящий берет в расчет все три критерия речевого этикета при выборе лексики и выражений для утешения, сочувствия, сопереживания и соболезнования. Он скорее ободряет, нежели утешает, сопереживает или сочувствует. Это можно объяснить тем, что русскому человеку характерно выставлять свои горести, проблемы, переживания напоказ и ждать утешения и участия со стороны, а американец или англичанин редко с кем делится своими проблемами, рассчитывая избавиться от них самостоятельно, поэтому англоговорящий, опасаясь перейти границы интимности, предпочитает использовать наиболее нейтральные высказывания.

Более того, проведенные исследования дают нам право утверждать, что изучаемое микрополе утешения, сочувствия, соболезнования является полноправным макрополем волеизъявления, а ДЕ изучаемого типа – полноценными по сравнению с другими ДЕ побудительного типа по объему, коммуникативной направленности и содержанию.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Андреева, И.С. Повелительное наклонение и контекст при выражении побуждения в современном русском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.С. Андреева. – Ленинград, 1971. – 18 с.
2. Арутюнова, Н.Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему» реплики в русском языке [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Филологические науки. – 1970. – № 3. – С. 44–58.
3. Арутюнова, Н.Д. О типах диалогического стимулирования [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Учёные записки Горьковского государственного пединститута иностранных языков имени Н.А. Добролюбова. – Горький, 1972. – № 49. – С. 3–5.
4. Балаян, А.Р. Основные коммуникативные характеристики диалога [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Р. Балаян. – М., 1971. – 177 с.
5. Балли, Ш. Французская стилистика [Текст]: 2-е издание стереотипное / Ш. Балли. – М.: Изд-во Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
6. Балин, Б.М. О проблематике, методологии и методике контрастивных исследований [Текст] / Б.М. Балин // Принципы и методы исследования единиц языка: межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – С. 135–141.
7. Баранов, М.Т. Русский язык [Текст]: учебное пособие / М.Т. Баранов, Т.А. Костяева, А.В. Прудникова. – М.: Просвещение, 1987. – С. 149–150.
8. Беркаш, Г.В. О структурах вопросительных реплик в английской диалогической речи [Текст] / Г.В. Беркаш // Вопросы лексики и фразеологии английского и немецкого языков. – Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1964. – №.1. – С. 12–22.
9. Беркнер, С.С. Некоторые явления взаимодействия реплик английской диалогической речи [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.С. Беркнер. – М., 1960. – 18 с.

10. Богородицкий, В.А. Введение в изучение современных романских и германских языков [Текст] / В.А. Богородицкий. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. – 184 с.

11. Бондарко, А. В. Система времени русского глагола (в связи с проблемой функционально-семантических и грамматических категорий) [Текст]: автореф. дис. ... доктора филол. наук / А.В. Бондарко. – Л., 1968. – 36 с.

12. Бондарко, А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление) [Текст] / А.В. Бондарко. – М.: Изд-во Просвещение, 1971. – 239 с.

13. Бондарко, А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии [Текст] / А.В. Бондарко. – Л., 1983. – 207 с.

14. Бузаров, В.В. Основы синтаксиса английской разговорной речи [Текст] / В.В. Бузаров. – М.: Изд-во Крон-Пресс, 1998. – 366 с.

15. Вайс, М.Я. Синтаксические структуры диалогической речи немецкого языка и их стилистическое использование в современной немецкой литературе [Текст] / М.Я. Вайс // Вопросы синтаксиса и стилистики немецкого языка: уч. зап. Ленингр. пед. ин-та. – Л., 1963. – № 255. – С. 113–131.

16. Валюсинская, З.В. Вопросы изучения диалога в работах советских лингвистов [Текст] / З.В. Валюсинская // Синтаксис текста. – М.: Изд-во Наука, 1979. – 368 с.

17. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 255 с.

18. Гак, В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков [Текст] / В.Г. Гак. – М.: Изд-во Просвещение, 1983. – 290 с.

19. Гальперин, П.Я. Языковое сознание и некоторые вопросы соотношения языка и мышления [Текст] / П.Я. Гальперин // Психология как объективная наука. – М.: Издательство Институт практической психологии, Воронеж: Изд-во НПО Модек, 1998. – С. 430–441.

20. Гулыга, Е.В., Грамматико-лексические поля в современном немецком языке [Текст] / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс. – М., 1969. – 184 с.
21. Есперсен, О. Философия грамматики [Текст] / О. Есперсен – М.: Изд-во КомКнига, 2006. – 408 с.
22. Звегинцев, В.А. Проблемы взаимоотношения языка и мышления и НТР [Текст] / В.А. Звегинцев // Вопросы Философии. – 1977.– № 4. – С. 88–94.
23. Исаченко, А.В. К вопросу об императиве в русском языке [Текст] / А.В. Исаченко // Русский язык в школе. – 1957. – №6. – С. 7–14.
24. Кацнельсон, С.Д. Общее и типологическое языкознание [Текст] / С.Д. Канцельсон. – Л.: Изд-во Наука, 1986. – 298 с.
25. Климов, Г.А. Типология языков активного строя [Текст] / Г.А. Климов. – М.: Изд-во Наука, 1977. – 320 с.
26. Конрад, Н.И. О языковом существовании [Текст] / Конрад Н.И. // Японский лингвистический сборник. – М., 1959. – С. 5–16.
27. Косилова, М.Ф. К вопросу о побудительных предложениях [Текст] / М.Ф. Косилова // Вестник МГУ, Сер. Филология и Журналистика. – М., 1962. – № 4. – С. 48–56.
28. Куравицкая, М.П. Полисемия императива [Текст] / М.П. Куравицкая // Математическая лингвистика. – Киев, 1973. – С. 50–60.
29. Кучер, А.В. О структуре английской диалогической речи [Текст] / А.В. Кучер // Вопросы романо-германского и общего языкознания. – Минск, 1973. – С. 86–100.
30. Лабов, У. Единство социолингвистики [Текст] / У. Лабов // Социально-лингвистические исследования. – М., 1976. – С. 5–30.
31. Максимов, В.Д. Диалогические единства отрицательно-побудительного типа в современном английском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Д. Максимов. – М., 1978. – 16 с.
32. Мразек, Р. Синтаксис русского творительного [Текст] / Р. Мразек // Структурно-сравнительное исследование. – Прага, 1964. – 285 с.

33. Молчанова, Г.П. Императивные предложения и их лексико-грамматическая характеристика в современном английском языке [Текст]: сбор. научных трудов Москов. пед. ин-та иностранных языков / Г.П. Молчанова. – М., 1976. – №105. – С. 29–50.

34. Молчанова, Г.П. О взаимодействии грамматики и лексики (на материале императивного предложения в английском языке) [Текст] / Г.П. Молчанова // Иностранные языки в школе. – 1977. – №2. – С. 16–23.

35. Москальская, О.И. Проблемы системного описания синтаксиса [Текст] / О.И. Москальская. – М.: Изд-во Высшая школа, 1974. – 156 с.

36. Милых, М.К. Побудительные предложения в русском языке [Текст]: ученые записки Ростовского ун-та / М.К. Милых. – Ростов н/Д, 1953. – №4. – С. 5–47.

37. Мучник, И.П. О значении форм повелительного наклонения в современном русском языке [Текст]: ученые записки Москов. обл. пединститута / И.П. Мучник. – М., 1955. – № 5. – С. 13–35.

38. Мыркин, В.Я. В какой мере язык (языковые система) является отражением действительности [Текст] / В.Я. Мыркин // Вопр. языкознания. – 1986. – № 3. – С. 54–61.

39. Неверов, С.В. Общественно-языковая практика современной Японии [Текст] / С.В. Неверов. – М., 1982. – 149 с.

40. Немешайлова, А.В. Формы повелительного наклонения в русском современном языке [Текст] / А.В. Немешайлова // Ученые записки Пензенского пединститута. – Пенза, 1958. – №5. – С. 367–382.

41. Остин, Дж.Л. Слово как действие [Текст] / Дж.Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. – М.: Изд-во Прогресс, 1986. Вып. 17. – С. 22–130.

42. Пенькова, Г.А. Двучленные, трехчленные диалогические единства [Текст] / Г.А. Пенькова // Принципы и методы лексико-грамматического исследования. – Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1972. – Ч. 2. – С. 69–73.

43. Потебня, А.А. Мысль и язык [Текст] / А.А. Потебня // Слово и миф. – М: Изд-во «Правда», 1989. – С. 17–52.

44. Святогор, И.П. О некоторых особенностях синтаксиса диалогической речи в современном русском языке (диалогическое единство) [Текст] / И.П. Святогор. – Калуга, 1960. – 39 с.

45. Серль, Дж. Что такое речевой акт? [Текст] / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Изд-во Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 151–169.

46. Слюсарева, Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка [Текст] / Н.А. Слюсарева. – М.: Изд-во Наука, 1981. – 206 с.

47. Тарасова, Е.В. Языковое поле как единица дидактической типологии [Текст] / Е.В. Тарасова. – Киев: Изд-во УМК ВО, 1991. – 108 с.

48. Трофимова, Э.А. К вопросу о системном анализе структуры английской разговорной речи, отраженной в художественной литературе. – Ростов н/Д, 1977. – С. 110–120.

49. Трофимова, Э.А. Приемы выражения взаимосвязанности реплик диалогической речи [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э.А. Трофимова. – М., 1963. – 270 с.

50. Трофимова, Э.А. Синтаксические конструкции английской разговорной речи [Текст] / Э.А. Трофимова. – Ростов н/Д, 1987. – 159 с.

51. Уварова, О.С. О диалогическом речевом взаимодействии в коммуникативном процессе [Текст] / О.С. Уварова // Философско-психологические проблемы коммуникации. – Фрунзе: Изд-во Илим, 1991. – С. 99–106.

52. Хаймович, Б.С. Теоретическая грамматика английского языка [Текст] / Б.С. Хаймович, Б.И. Роговская. – М.: Изд-во Высшая школа, 1967. – 298 с.

53. Храковский, В.С. Семантика и типология императива [Текст] / В.С. Храковский, А.П. Володин // Русский императив. – М.: Изд-во Едиториал УРСС, 2002. – 272 с.

54. Холодович, А.А. О типологии речи [Текст] / А.А. Холодович // Историко-филологические исследования. – М., 1967. – С. 202–208.
55. Хомский, Н. Аспекты теории синтаксиса [Текст] / Н. Хомский. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. – 259 с.
56. Цивьян, Т.В. К описанию этикета как семиотической системы [Текст] / Т.В. Цивьян. – М., 1962. – С. 79–83.
57. Чесноков, П.В. Философские основы зарубежных направлений в языкознании [Текст] / П.В. Чесноков. – М.: Изд-во Наука, 1977. – 295 с.
58. Шендельс, Е.И. О грамматико-лексическом подходе к языку [Текст] / Е.И. Шендельс // Лингвистика и методика в высшей школе. – М.: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тереза, 1970. – С. 13–23.
59. Шведова, Н.Ю. Грамматика современного русского литературного языка [Текст] / Н.Ю. Шведова. – М.: Изд-во Наука, 1970. – 769 с.
60. Шмелев, Д.К. Внеимперативное употребление формы повелительного наклонения в современном русском языке [Текст] / Д.К. Шмелев // Русский язык в школе. – 1961.– № 5. – С. 50–55.
61. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность [Текст] / Л.В. Щерба. – Л.: Изд-во Наука, 1974. – 428 с.
62. Щукина, Н.Ф. Некоторые методологические вопросы сопоставительного изучения языков [Текст] / Н.Ф. Щукина // Принципы и методы исследования единиц языка. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. – С. 159–165.
63. Якобсон, Р.О. Избранные работы [Текст] / Р.О. Якобсон. – М.: Изд-во Прогресс, 1985. – 455 с.
64. Якубинский, Л.П. О диалогической речи [Текст] / Л.П. Якубинский // Русская речь. – Петроград, 1923. – С. 96–194.
65. Birnbaum, H. Problems of Typological and Genetic Linguistics Viewed in a generative Frame Work [Text] / H. Birnbaum. – Paris: Mouton, The Hague, 1970. – 132 p.

66. Ipsen, G. Der Alte Orient und die Indogermanen Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft [Text] / G. Ipsen. – Heidelberg, 1984. – S. 74-82.

67. Filmore, Ch. Frame semantics and the nature of language [Text] / Ch. Filmore // In Annals of the New York Academy of Sciences: Conference on the Origin and Development of Language and Speech. – N.Y., 1976. – 280 p.

68. Leech, G. A Communicative Grammar of English [Text] / G. Leech, J. Svartvic. – L: Longman, 1975. – 304 p.

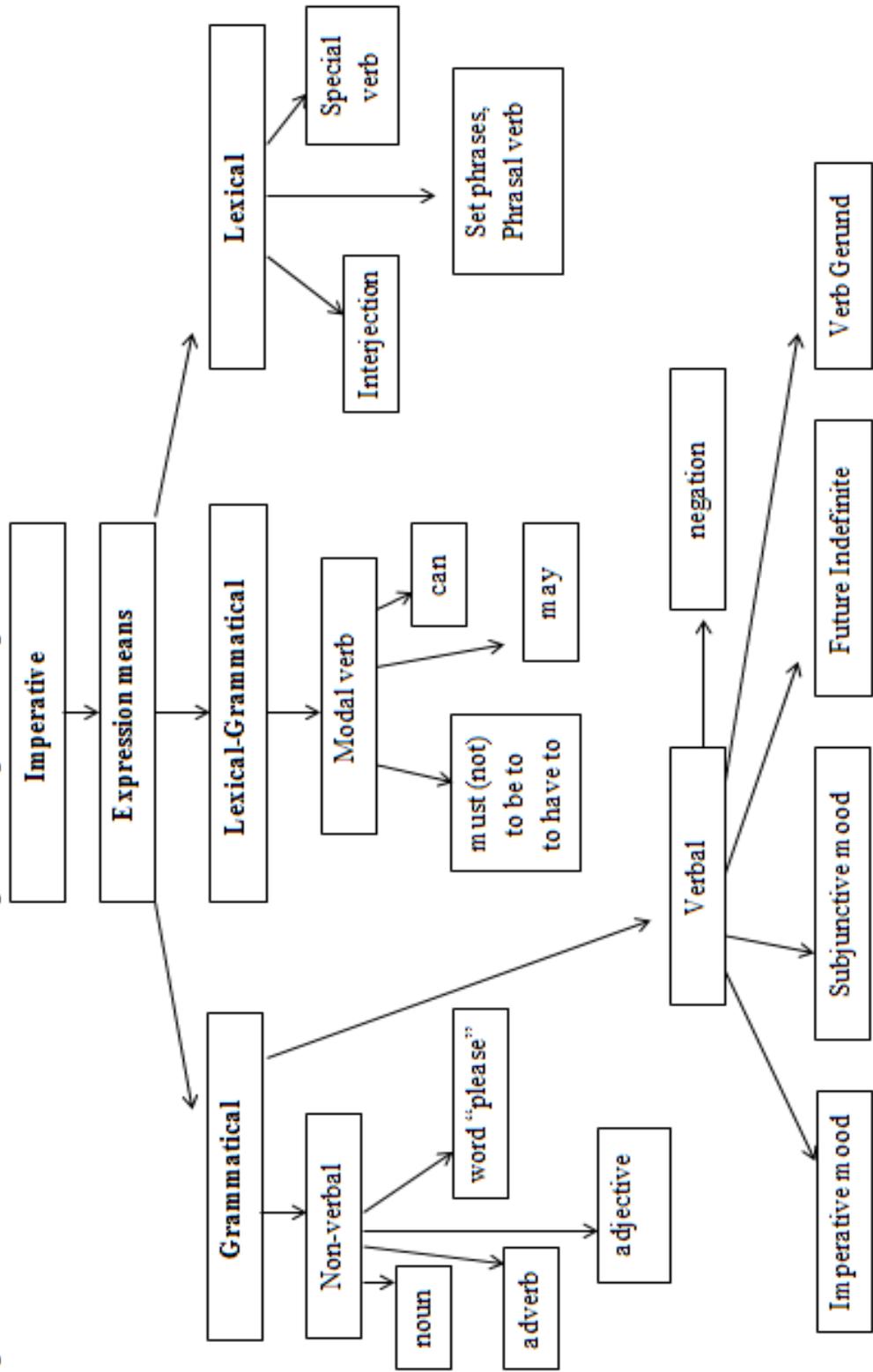
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА:

1. Арбузов, А.Н. Годы странствий [Текст] / А.Н. Арбузов. – М.: Искусство, 1954. – 119 с.
2. Булгаков, М.А. Мастер и Маргарита [Текст] / М.А. Булгаков. – М.: Худ. литература, 1989. – 595 с.
3. Долинина, Н.Г. Доктор Жуков, на выезд! [Текст] / Н.Г. Долинина. – М., 1974. – 296 с.
4. Ефремов, И.А. Таис Афинская [Текст] / И.А. Ефремов. – Харьков: Изд-во Прапор, 1992. – 602 с.
5. Пушкин, А.С. Капитанская дочка [Текст] / А.С. Пушкин // Сочинение в трех томах. – М: Художественная литература, 1987. – С. 232-331.
6. Лермонтов, М.Ю. Избранные произведения [Текст] / М.Ю. Лермонтов – М., 1988. – 730 с.
7. Archer, J. Kane and Abel [Text] / J. Archer. – N.Y.: Fawscett Crest, 1951. – 480 p.
8. Austen, J. Pride and Prejudice [Text] / J. Austen. – L.: Wordsworth Classics, 1992. – 264 p.
9. Bronte, E. Wuthering Heits [Text] / E. Bronte. – M., 1973. – 320 p.
10. Chase, J. H. Strictly for Cash [Text] / J. H. Chase. – L.: Granada Publishing Ltd., 1951. – 300 p.
11. O’Neil, Eu. Long Day’s Journey into the Night [Text] / Eu. O’Neil // Three American Plays. – M., 1972. – 120 p.
12. Dreiser, T. Jenny Gerhardt [Text] / T. Dreiser. – M., 1972. – 357 p.
13. Grisham, J. Firm [Text] / J. Grisham. – N.Y., 1992. – 501 p.
14. Fitzgerald, F.S. The Great Gatsby [Text] / F.S. Fitzgerald. – M., 1981. – 110 p.
15. Pinter, H. One World Dramatist [Text] / H. Pinter // Plays. – L.: Mathews, 1976. – 334 p.

16. Sisson, M.A. *The Bretts* [Text] / M.A. Sisson. – Boston: Penguin Books, 1977. – 125 p.
17. Shaw, B. *Four Plays* [Text] / B. Shaw. – M., 1952. – 354 p.
18. Wharton, E. *The Age of Innocence* [Text] / E. Wharton. – Boston: Penguin Books, 1995. – 201 p.
19. Wild, O. *The Importance of Being Earnest* [Text] / O. Wild. – M., 1961. – 190 p.
20. Williams, T. *Orpheus Descending* [Text] / T. Williams. – M., 1972. – 87 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Приложение 1: Схематическое изображение средств выражения волеизъявления в английском языке:



Приложение 2: Схематическое изображение средств выражения волеизъявления в русском языке:

